

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой РЯиРК

_____ И. В. Евсева

« _____ » _____ 2019 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О «ЗНАТКИХ ЛЮДЯХ» В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

Выпускник

К. В. Кайзер

Научный руководитель

д-р филол. наук,
проф. О. В. Фельде

Нормоконтролер

М. В. Шипилова

Красноярск 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ	8
1.1 Языковая и фольклорная картина мира	8
1.2 Феномен лингвокультуры: вопросы теории	13
1.3 Проблема жанровой классификации устных рассказов о «знатких людях»	18
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	24
ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТНЫХ РАССКАЗОВ О «ЗНАТКИХ ЛЮДЯХ»	25
2.1 Лингвокультурный концепт и концепт-мифологема: содержание понятий	25
2.2 «Знаткие люди»: этнолингвистический и семантический аспекты.....	28
2.3 Структура и языковые средства экспликации макроконцепта «знаткие люди»	33
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	40
ГЛАВА 3. КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТНЫХ РАССКАЗОВ О «ЗНАТКИХ ЛЮДЯХ»	41
3.1 Диалектная коммуникация и диалектный дискурс	41
3.2 Коммуникативные цели, тактики и стратегии устных рассказов о «знатких людях»	44
3.3 Коммуникативная тональность устных рассказов о «знатких людях» ..	46
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	53
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	59
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Устные рассказы жителей Северного Приангарья о «знатких людях»	70

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование носит междисциплинарный характер и выполняется на стыке психолингвокультурологии и коммуникативной диалектологии.

Изучение современного состояния народно-речевой культуры, определение степени сохранения ее ментальных доминант, выявление особенностей традиционных лингвокультур и диалектной коммуникации относится к актуальным задачам современной лингвистики. Эффективным инструментом решения поставленной проблемы является обращение к диалекту как уникальному культурному и гносеологическому феномену, представляющему собой одновременно и памятник культуры, и живую основу национально-языкового развития.

Актуальность работы определяется, во-первых, её включенностью в коммуникативно-когнитивную парадигму современной лингвистики; во-вторых, возможностью расширить эмпирическую базу лингвистики для решения фундаментальных проблем «язык и культура», «язык и оценка»; в-третьих, необходимостью исследования особенностей региональной сибирской лингвокультуры, которая зафиксирована в текстах разных жанров, в том числе и в устных рассказах о «знатких людях».

Устные рассказы о людях, обладающих сверхъестественными способностями, преимущественно исследуются с позиций фольклористики, где внимание исследователей сосредоточено на связи с народными традициями, а изучению подвергаются жанровые [Новосёлова, Калинина, 2011; Кузьмина, 2008 и др.], сюжетные и структурные [Голованов, 2008; Зверев, Шишкова, 2008 и др.] особенности таких текстов и т.д.

В русистике рассматриваются структурно-семантические [Новикова, 2017] и др., этимологические [Исяндавлетова, 2009] и др., аксиологические [Вишнякова, 2017] и др. и другие особенности устных рассказов о людях, обладающих сверхъестественными способностями. Издаются диалектные и

этнографические словари, например, научная энциклопедия по славистике, культуре и этнолингвистике «Славянские древности: этнолингвистический словарь» (1995–2012). Отметим, что с позиции коммуникативной диалектологии данные рассказы прежде не рассматривались, новым является также привлечение в качестве материала для исследования региональных текстов. Это определяет новизну исследования.

Цель исследования – комплексный лингвокультурологический и коммуникативный анализ устных рассказов о «знатках людей» как важнейшего элемента традиционной региональной лингвокультуры.

Поставленная цель предполагает решение следующих конкретных **задач**:

- 1) сопоставить понятия «языковая картина мира» и «фольклорная картина мира»;
- 2) представить аналитический обзор работ о феномене лингвокультуры;
- 3) выявить структуру макроконцепта «знаткие люди» и проанализировать понятийную и ценностную составляющую его субконцептов»;
- 4) выявить коммуникативные стратегии и тактики устных рассказов о «знатках людей»;
- 5) определить коммуникативную тональность устных рассказов о «знатках людей».

Объект исследования – устный рассказ о «знатках людей» как макроединица региональной лингвокультуры.

Предмет исследования – структура и языковая экспликация лингвокультурного макроконцепта «знаткие люди», а также лингвопрагматические особенности устных рассказов о «знатках людей».

Материал исследования – устные рассказы о «знатках людей», записанные в ходе диалектологических и фольклорных экспедиций сотрудников и студентов ИФиЯК СФУ в Мотыгинский (2016 г.), Богучанский (2017 г.) и Кежемский (2018 г.) районы Красноярского края;

материалы, размещенные в «Электронном текстовом корпусе лингвокультуры Северного Приангарья» [<http://angara.sfu-kras.ru>].

Теоретико-методологической базой исследования являются работы отечественных учёных в области:

1) лингвокультурологии [Степанов, 1997; Карасик, 2002; Алефиренко, 2013];

2) этнолингвистики и психолингвокультурологии [Герд, 2001; Красных, 2013, 2016; Толстая, 2013; Фельде, 2019];

3) коммуникативной диалектологии [Демешкина, 2000; Гольдин, 2001; 2002; 2009 и др.].

Методы исследования:

На этапе сбора материала использовались методы полевой лингвистики: интервьюирования и включенного наблюдения за речью коренных жителей Мотыгинского (2016 г.), Богучанского (2017 г.) и Кежемского (2018 г.) районов. Кроме того, методом выборочной расписки материал извлекался из «Электронного текстового корпуса лингвокультуры Северного Приангарья» [<http://www.angara.sfu-kras.ru>] а также частично из «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой.

На исследовательском этапе использовались интерпретационный, лингвопрагматический методы, а также методика концептуального анализа, разработанная представителями лингвокультурологического направления русистики. Данная методика включает в себя следующие приемы: лексикографический анализ дефиниции имени концепта; выявление концептуальных признаков понятийного слоя концепта; выделение и анализ единиц языка, эксплицирующих образный и оценочный слои. На заключительном этапе исследования использован метод лингвистического описания.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во введении раскрывается актуальность работы, ставятся цели и задачи, определяется предмет, объект, методы и приемы исследования, говорится о новизне, практической и теоретической значимости, а также апробации результатов исследования. В первой главе рассмотрены понятия языковой и фольклорной картины мира, особое внимание уделено феномену лингвокультуры, проблеме жанровой классификации и жанровым особенностям устных рассказов о «знатких людях». Во второй главе сравнивается содержание понятий «лингвокультурный концепт» и «концепт-мифологема», устные рассказы о «знатких людях» рассматриваются в этнолингвистическом и семантическом аспектах, анализируется структура макроконцепта «знаткие люди» и языковая экспликация его базовых субконцептов «ведьма / колдун» и «знахарка / знахарь». Третья глава посвящена коммуникативным особенностям данных рассказов: изучаются тактики и стратегии рассказов, а также их коммуникативная тональность. В приложении А представлены устные рассказы коренных жителей Северного Приангарья о «знатких людях».

Апробация работы. Основные результаты исследования были представлены на Международной научно-практической конференции «Научные достижения и открытия современной молодёжи», 17.02.2017, г. Пенза (диплом I степени); Международной научно-практической конференции «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека», 25.04.2017, г. Красноярск (диплом II степени); 55-ой международной научной студенческой конференции «МНСК-2017», 16.04-20.04.2017, г. Новосибирск (диплом II степени); XXVIII Ежегодной международной научной конференции «Язык и культура», 25.09-27.09.2017, г. Томск; Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2018», 9.04-13.04.2018, г. Москва; 56-ой международной научной студенческой конференции «МНСК-2018», 22.04-27.04.2018, г. Новосибирск; Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в

коммуникативном пространстве человека», 22.04-27.04.2018, г. Красноярск (диплом II степени); II Международной научно-практической конференции "Высокие технологии, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации", 10.11.2018, г. Пенза (диплом I степени); Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека», 23.04-24.04.2019, г. Красноярск (диплом III степени).

Материалы работы опубликованы в 10 научных статьях и тезисах, а также частично использованы при выполнении научного гранта № 17-14-24008/15 Российского фонда фундаментальных исследований и №44/17 Красноярского краевого фонда науки и научно-технической деятельности «Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья» (срок реализации – 2017-2018 гг.).

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

1.1 Языковая и фольклорная картина мира

Такие феномены, как картина мира, языковая картина мира и фольклорная картина мира, находятся в центре внимания представителей коммуникативно-когнитивной макропарадигмы современной лингвистики.

Под картиной мира понимается система интуитивных представлений, знаний о действительности, сформированных как у человеческих общностей, так и у отдельного мыслящего субъекта о мире [Руднев, 1997]. В картине мира находят отражение идеи обыденного, научного, религиозного и других типов познания, соответствующие ценностным представлениям общества в то или иное время. В соответствии с этим выделяют разные типы картин мира: чувственно-пространственную, духовно-культурную, философскую, религиозную и др.

В современном языкознании принято говорить, как минимум, о трех основных разновидностях: языковой, научной и художественной. Языковая картина мира является значительной частью картины мира, т.к. знания, полученные человеком из родного языка, как количественно, так и качественно, значительно превосходят знания, полученные им из других источников. Понятие языковой картины мира (далее – ЯКМ) восходит к идеям В. фон Гумбольдта, который был одним из первых лингвистов, обративших внимание на отражение национального характера народа в языке, и его сторонников (например, Л. Вайсгербера и др.). Изначально данное понятие использовалось в гносеолингвистике и развивалось на основе лингвоантропологических теорий, в настоящее же время оно органично входит в терминологические аппараты лингвокультурологии, лингвоконцептологии, этнопсихоллингвистики и некоторых других наук. Проблеме языковой картины мира посвящено множество работ [Уорф, 1960; Вайсгербер, 1993; Арутюнова, 1998; Толстой, 1987; Крейдлин, 2003, и др.].

На сегодняшний день существует несколько определений ЯКМ, в которых акцентируются её сущностные особенности. Отметим те из них, которые мы берём в качестве постулатов настоящего исследования. Разделяем точку зрения Е. С. Кубряковой в том, что ЯКМ – это «важная составная часть общей концептуальной модели мира в голове человека, т.е. совокупности представлений и знаний человека о мире, интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира» [Кубрякова, 1988: 169]. Эту идею впоследствии развил А. А. Кибрик, отметивший, что «языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [Кибрик, 2002]. Е. С. Яковлева справедливо отмечает, что ЯКМ – это «своего рода мировидение через призму языка» [Яковлева, 1994: 84]. В. А. Маслова подчеркивает, что «языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровнева. <...> Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» [Маслова, 2007: 296].

Говоря о структуре ЯКМ, обратимся к наблюдениям Н. Ю. Шведовой: языковая картина мира «предстает как развернутое полотно с изображенной на нем вершиной и с обращенными к ней участками, компоненты которых располагаются по принципу ступенчатого сужения». На вершине находится человек, к которому направлены две доминантные ветви: «сам человек, его жизнедеятельность и ее плоды» и «его окружение, сфера его существования». Эти ветви также делятся на множество других, в состав которых входят лексические единицы и совокупности этих единиц (например, «бытие, существование человека»: имена, называющие фазы этого существования, глаголы, называющее соответствующее протекание процессов бытия; «время»: соответствующие имена и глаголы, называющие

течение времени и т.п.) [Шведова, 1999: 15]. Широко распространена точка зрения, что основными единицами ЯКМ являются концепты и концептные конфигурации, которые позволяют сделать вывод об особенностях мировидения и мировосприятия как отдельного человека, так и целого этноса.

Среди функций ЯКМ принято выделять: когнитивную, регулятивную, мировоззренческую, аксиологическую. Отмечают также: номинативную, идентификативную, экспликативную и др. (См. об этом подробнее: [Гончарова, 2012: 402]).

Общеизвестно, что язык отражает все проявления культурной жизни народа, наиболее ярко это проявляется в религиозных представлениях и мифах. Исследователи разграничивают понятия языковой и фольклорной картины мира, понимая под последней одну «из ипостасей, одно из воплощений картины мира традиционной народной культуры» [Артеменко, 2003: 11], которая тяготеет не только к сохранению, но и к воспроизведению культурной информации. Фольклорная картина мира воплощается в фольклорных текстах разных видов и жанров, а содержание ее составляют народные стереотипы сознания, коллективные образы и группирующиеся вокруг них мотивы и представления.

Исследователь Н. Ю. Моспанова, ссылаясь на труды Б. Н. Путилова и В. А. Черванёвой, отмечает, что фольклорная картина мира, являясь разновидностью общей картины мира, «создавалась в результате семантической перекодировки нефольклорного материала (мифологического и этнографического) ... на язык поэтической символики» и выделяет в ней две стороны:

- 1) связь с ментальностью, отражение культурных и психических особенностей этноса, стереотипы сознания, имеющие истоки в мифологии (культурно-исторический аспект);
- 2) связь с языком (языковая фольклорная картина мира) [Моспанова, 2005: 13].

По своей структуре фольклорная картина мира многослойна, она включает в себя идеологические, религиозные и мифологические элементы, относящиеся к разным историческим эпохам, однако в ее основании лежит традиционное архаическое мировосприятие. Основу языковых единиц, отражающих мировидение носителей фольклорной картины мира, составляют номинации архетипов и мифологем (названия типичных персонажей и ситуаций). Они являются ключевыми в любой национальной культуре, поскольку репрезентируют важнейшие особенности взаимоотношений языка и культуры, представленные бинарными оппозициями.

Среди отличительных свойств фольклорной картины мира выделяют следующие:

- вариативность (ее основу формируют базовые концепты, варьирующиеся в зависимости от жанра);
- уникальность (как следствие наибольшей степени условности отражаемой действительности);
- избирательность в отражаемой информации (обусловленную ценностной неоднородностью реалий окружающего мира в сознании этноса) [Елизарова, 2010: 53–54].

Несмотря на то, что фольклорная картина мира допускает некоторые изменения в связи с эволюцией народного сознания, она сохраняет традиционное мировосприятие и является более стабильной, чем другие картины мира.

Одними из основных функций фольклорной картины мира являются когнитивная, мировоззренческая, воспитательная, эстетическая, аксиологическая, эстетическая и др.

Понятие фольклорной картины мира необходимо нам для характеристики картины мира жителей Северного Приангарья. Как уже было отмечено, русские фольклорные тексты базируются на представлении о двоемирии, эта особенность отражена в устных рассказах о «знатких людях», где главное

действующее лицо – человек, обладающий сверхъестественными способностями. По представлениям ангарцев колдуны и знахари являются проводниками в иной мир, так как в зависимости от специфического ремесла им приписывается связь с Богом или же с дьяволом. При этом в сознании ангарцев закрепились четкие представления об этикетных формах коммуникации со «знатким человеком».

Важным аспектом является также связь с ментальностью и отражение культурных и психических особенностей этноса. Картина мира жителей Северного Приангарья – это наивная картина мира, которая, допуская некоторые изменения, утраты и приобретения, связанные с эволюцией народного сознания, в большей степени сохраняет традиционное мировосприятие. Причины тех или иных событий чаще объясняются путем использования не логических, а чувственных методов познания окружающего мира. Например, отсутствие молока у коровы воспринимается человеком как сглаз, а не как симптом какого-либо заболевания.

Следует отметить, что главными концептами, отражающими представления ангарцев о мире, являются именно концепты мифологического содержания, это связано с удаленностью деревень и поселков Северного Приангарья от крупных городов, а также с особенностями воспитания и образования в русской деревне. На сегодняшний день люди, проживающие на этой территории, являются в большинстве своем носителями фольклорного сознания, по нашим наблюдениям им обладают не только пожилые, но и люди всех возрастов. С феноменом «знаткой человек» они встречаются в своей повседневной жизни, так как по народным поверьям в каждом населенном пункте живет своя ведьма или свой знахарь.

Таким образом, фольклорная картина мира является более статичной по сравнению с языковой картиной мира, их сходство обнаруживается в когнитивной, аксиологической и мировоззренческой функциях.

1.2 Феномен лингвокультуры: вопросы теории

Термин «лингвокультура» в русистике появился сравнительно недавно, до сих пор в англо-саксонской лингвистической традиции не существует термина-эквивалента. Феномен лингвокультуры изучается с позиций разных наук: философии, лингводидактики, теории межкультурной коммуникации, контрастивной лингвокультурологии, психолингвокультурологии и других.

В философских работах понятие лингвокультуры рассматривается в тесной связи с понятиями «язык», «культура» и «этническая картина мира». Так, М. А. Федоров предлагает рассматривать данный феномен со следующих позиций: формальной, семиотической, онтологической, функциональной, структурной, инвариантной [подробнее см. Федоров: 85–86], подчеркивая, что лингвокультура, как правило, включает в себя большую часть семиотических особенностей культуры, оставляя за своими пределами лишь то, что может быть выражено с помощью невербальных систем [Фёдоров, 2014].

В страноведческом подходе к феномену лингвокультуры особое внимание уделяется определению состояния современного языкового среза, выявлению тенденций развития лингвокультурной ситуации различных регионов, а также выявлению историко-демографических факторов, повлиявших на его формирование (См. подробнее: [Сенаторова, 2003: 36–43]). Источниками исследования лингвокультуры в страноведческом подходе являются носители языка, телевизионные передачи и кинофильмы, радиопередачи и аудиозаписи, а также книги, периодика, информационные и рекламные тексты.

В работах по лингводидактике рассматриваются различные коды лингвокультуры, которые способствуют усовершенствованию методики преподавания русского языка как иностранного [Суворова, 2000; Макарова, 2010 и др.], а также выявляется национально-культурная специфика концептов в разных лингвокультурах [Чафонова, 2017 и др.].

Аналитический обзор работ, в названии которых используется термин «лингвокультура» показал, что в ряде исследований это понятие трактуется как основа межкультурной коммуникации [Леонтович, 2002 и др.].

Понятие лингвокультуры в последние годы активно используется и в трудах по лингвокультурологии, особенно в таком ее направлении как контрастивная лингвокультурология [Блинова, 2009; Дженкова, 2005; Калюжная, 2007; Косычева, 2013 и др.]. Следует отметить, что в большинстве этих работ понятие лингвокультуры используется как синоним языковой картины мира. В диссертационных работах и статьях по контрастивной лингвокультурологии рассматриваются, преимущественно, лингвокультурные концепты, которые эксплицируются в художественных текстах. В некоторых трудах по лингвокультурологии термин «лингвокультура» сближается с термином «лингвокультурное пространство». Например, в диссертационном исследовании Е. С. Жигачевой, посвященном концепту «Байкал» в региональной лингвокультуре, идея сближения данных терминов представлена наиболее ярко. Автор, ссылаясь на Э. Бенвениста, утверждает, что лингвокультура – это «линза, через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса» [Жигачева, 2015: 3]. Отсутствие рефлексии относительно сущности понятия «лингвокультура» делает актуальными теоретические изыскания в этой области.

Одним из немногих лингвистов, которые рассматривают феномен лингвокультуры с теоретических позиций, является В. В. Красных, которая изначально относил этот феномен к предметной области лингвокультурологии. В статье «Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии» (2011) исследователь говорит о том, что лингвокультура – это отдельная семиотическая система; «воплощенная и закреплённая в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах культура» и отмечает, что базовыми единицами лингвокультуры являются ее грамматика и словарь. В работе также подчеркивается то, что

лингвокультура является средой формирования и существования человека как личности, так как язык предстает основным каналом передачи культурных установок между поколениями.

В дальнейшем, по мере накопления знаний о лингвокультуре, В. В. Красных и другие представители Московской школы, стали относить феномен лингвокультуры к новой области лингвистики – психоллингвокультурологии, и это оправдано, поскольку в лингвокультуре выражаются ментальные установки личности, особенности мировидения и работы языкового сознания.

Принципиально важным в настоящее время является вопрос разграничения лингвокультуры и языковой картины мира, а также выявления базовых единиц лингвокультуры. Так, в работе В. В. Красных «Грамматика лингвокультуры, или Что держит языковую картину мира?» (2013) автор уделяет внимание сути феномена лингвокультуры и языковой картины мира, говоря о том, что первый является лингвокогнитивным, формируемым «образами сознания в их вербальных одеждах», а второй – лингвистическим, формируемым «знаками языка, овнешняющими образы». Важным является тот факт, что лингвокультура, наряду с культурой и языком, стремится к статусу третьей самобытной системы, имеющей свой словарь и свою грамматику. Среди базовых единиц лингвокультуры выделяются следующие:

- ментефакты;
- базовые метафоры;
- содержательные «ниши» базовых эталонов;
- базовые символы.

Основные функции лингвокультуры:

- конгломерирующая (тексты традиционной лингвокультуры объединяют субэтноты, создают общее культурное и информационное пространство);
- дифференцирующая (субэтноты могут отделить «своих» от «чужих»);

- идентифицирующая (установление принадлежности к данному этносу);
- легитимирующая (например, в большинстве культур порицается, т. е. считается недопустимым, недостойным, непочтительное отношение к старшим, а уважительное отношение к женщине приветствуется, т. е. оценивается как желательное / обязательное и, следовательно, достойное) [Красных, 2013: 135].

В последние годы феномен лингвокультуры активно исследуется в такой отрасли языкознания как психолингвокультурология.

Теория лингвокультуры является плодотворной для изучения устных текстов, которые характеризуют быт, социальную жизнь и мировидение жителей российских регионов. Говоря о региональной культуре, исследователи выделяют несколько ее типов: книжно-письменную, мультимедийную, традиционную [Фельде, 2019]. Среди особенностей традиционной лингвокультуры следует упомянуть доминирование конгломерирующей функции, суть которой заключается в том, что традиционная культура создает единое культурное и информационное пространство для жителей разных субэтносов. Немаловажным является осознание носителем традиционной лингвокультуры идентификации с народом, что и дает возможность называть ее «народной», а также способность функционировать вне институционально-организационных форм, то есть передавать культурную информацию устно, от лица к лицу, от поколения к поколению.

Главными выразителями культуруносных смыслов традиционной лингвокультуры являются тексты нарративного и фольклорного характера, подвергающиеся активному изучению в последние годы. Так, сотрудники и студенты Сибирского федерального университета, начиная с 2012 года, регулярно принимают участие в фольклорно-диалектологических экспедициях в отдаленные районы Северного Приангарья, в ходе которых записываются тексты, используемые впоследствии для изучения традиционной ангарской лингвокультуры [Фельде, 2014; Васильев, 2018;

Смирнов, 2018 и др.]. Важно подчеркнуть, что среди них преобладают те, в которых эксплицируются лингвокультурные, в том числе, мировоззренческие концепты «родина», «семья», «река», «свой», «чужие» и др., отражающие представления жителей Северного Приангарья о человеке, обществе, природе и пространстве духов.

Результатом работы русистов СФУ стало и создание «Электронного текстового корпуса лингвокультуры Северного Приангарья» [URL: <http://www.angara.sfu-kras.ru>], в задачи которого входят: фиксация устных текстов, в которых репрезентированы особенности современной ангарской лингвокультуры и корпусная разметка собранного материала для дальнейшего размещения его в диалектном, фольклорном и мультимедийном подкорпусах, включающих в себя тексты разных жанров (в т.ч. поликодовые и аудио-визуальные).

Корпусный подход к исследованию имеет большое значение для информационного обеспечения различных отраслей лингвистики, которые занимаются фундаментальными проблемами «язык и культура», «язык и этнос», «язык и сознание», «язык и оценка», а также частными вопросами повседневной и ритуально-праздничной коммуникации.

Итак, лингвокультура – это культура, закреплённая в знаках языка, а феномен лингвокультуры является объектом изучения разных наук. Главными выразителями культураносных смыслов традиционной лингвокультуры являются тексты нарративного и фольклорного характера, подвергающиеся активному изучению в последние годы.

В данной работе будут рассмотрены тексты, в которых эксплицируется макроконцепт «знаткие люди» и находит отражение мифологическое мировосприятие ангарцев.

1.3 Проблема жанровой классификации устных рассказов о «знатких людях»

Изучение устных рассказов жителей отдаленных деревень Северного Приангарья началось сравнительно недавно, сегодня они рассматриваются с позиций фольклористики, лингвистической нарратологии и региональной лексикографии сибирскими учеными Н.А. Новосёловой [Новосёлова, 1991], Г. В. Афанасьевой-Медведевой [Афанасьева-Медведева, 1997], О. В. Фельде [Фельде, 2014] и их учениками [Кайзер, 2017; Калинина, 2005; Смирнов, 2017 и др.]. Несмотря на большую лингвистическую информативность и «культуроносные» смыслы данных текстов, они всё еще недостаточно изучены филологами, и это обстоятельство повышает актуальность их лингвистического анализа.

Анализ устных рассказов о «знатких людях» даётся преимущественно с позиций фольклористики, где такие повествования относят к сказочной прозе или к демонологическим рассказам с последующим разделением на фольклорные жанры. Большинство исследователей определяют рассказы такого рода как былички, например, И. А. Голованов, который исследует жанровую дифференциацию сказочной прозы в коммуникативном аспекте [Голованов, 2008]. Существуют также и другие мнения, например, Э.В. Померанцева выделяет в демонологических рассказах былички (мемораты), то есть рассказывания о событии от первого лица, и бывальщину (фабулаты) – рассказы, утратившие воспоминания очевидца [Померанцева, 1975]. Е.Н. Кузьмина предлагает тематическую классификацию сказочных нарративов, согласно которой рассказы о «знатких людях» относятся к мифологическим, то есть к нарративам «о необычных явлениях, встречах с необъяснимым и т.д.» [Кузьмина, 2008: 70–71].

В лингвистическом аспекте рассказы такого рода являются недостаточно изученными, хотя они информативны с лингвокультурологической, лингвоаксиологической, структурно-

семантической точек зрения. Отметим также высокий коммуникативно-дискурсивный потенциал текстов о людях со сверхъестественными способностями. По нашему мнению, повествования о знатких людях относятся к особой разновидности нарратива как гипержанра. Для устных рассказов о знатких людях свойственны все черты устного нарратива, а именно: спонтанность речи, высокая степень субъективации повествования, оценочность, динамизм, событийность, завершённость, ориентация нарратора на реакцию слушателя и т.п.

Одна из главных отличительных черт исследуемых нами устных нарративов – спонтанность и откровенность речи рассказчика, который нередко, повествуя о знатком человеке, раскрывает слушателю и информацию сугубо личного характера. В процессе общения у нарратора отсутствует возможность длительного обдумывания фраз и подбора лексических и синтаксических средств, по этой причине устные рассказы о знатких людях обладают всеми особенностями спонтанной диалектной и разговорно-обиходной речи.

Второй важной особенностью избранных для анализа рассказов является субъективация повествования: явления, события изображаются такими, какими представляются рассказчику, а не такими, какими являются на самом деле. Отметим, что для информанта его отношение к предмету повествования является истинным и единственно верным. С этой чертой напрямую связана оценочность данных текстов. В устных рассказах о знатких людях преобладает утилитарный тип оценки специфического ремесла знаткого человека, используются оценочные прилагательные или глаголы: *она сильная, хорошая была бабушка* (Мт: Рыбное, 2016), *она хорошо так... в своё время **накостила*** (Мт.: Мотыгино, 2016); экспрессивы, существительные-коннотативы: *Вот волохитил дак волохитил. Этот дед был ужасный...* (Мт.: Рыбное, 2016); *А она когда чуёт, что в пользу, она радёшенька потом эта бабушка-то! Радуется! **Польза!*** (Бг.: Богучаны, 2017).

В связи с тем, что речь рассказчика является спонтанной, следует сказать о динамизме повествования. Информант может внезапно менять направление повествования, дополнять и исправлять некоторые факты, вспоминать о других событиях, сопутствующих основному: *Это я не знаю, но свекровка рассказывала так: вот, у них, вот, где мы купили дом, и жили в её, так вот их два было крыла. И кто-то, кака-то делалась свиньёй и приходила. И её избили, эту свинью, и она убежала. Ну, чё они делали, во двор приходили, значит, портили, я-то так понимаю-то, как, портили скота, на кого злой. Ну, ведь не каждый человек добрый есть, всякий есть* (Бг.: Иркинеево, 2014).

Говоря о сюжете рассказа, необходимо подчеркнуть его событийность и завершенность, что подразумевает насыщенность повествования событиями (в завязке и кульминации), а также законченность (развязку, финал): *... отпускали этих коней, а потом они их ымали: надо на покос уже. И вот они ездили, ездили и поймать-то не могли. Ну и пришли к этому дедушке Иннокентию, ну, дескать, помоги нам: коней не можем поймать. – Дак вот берите, – то ли Ванькой его называли, или как они называли, парня-то, – берите, Ваньку вам дам. Приехали, и всех коней, кони все пришли, всех коней поймали* (Бг.: Иркинеево, 2014); *– Были у нас бабушки. Я вам даже приведу пример: у мня младший сын, счас ему двадцать восемь лет вот будет, он был маленький. Ну, ему годиков пять или шесть было, наверно, вот как Никитка, мой внук. Я сюда приехала, тут мно-ого было старых жителей. И он у меня сидит как-то ест, он весь, на руках, – я внимание обратила – весь в бородавках! Бородавки знаете, что такое? <...> Потом пошла к одной бабушке, Ульяне, – тут такая была раньше бабушка. <...> Всё, его оставляем у... чё она ему говорила, я не знаю. <...> Внимания не обращаю. Потом он вечером смотрю, опять туда убежал. Ну, дня три так к ней пробегал, а потом чё-то случайно мы сидим. Я это... кушать сели – уай, я поглядела: у него рука-то чистая! Чуть-чуть пятнышки розовые, вот*

буквально. Наверно, дней за пять у него полностью всё прошло. Вот что умеют? Много было... много было... (Кеж.: Козинск, 2015).

Немаловажным свойством устных рассказов о «знатких людях» является ориентация повествователя на реакцию слушателя, в этом аспекте следует отметить, что определение коммуникативной цели устного рассказа является одной из важных задач при его изучении (См. подробнее в 3 главе).

Помимо общежанровых признаков, в рассказах о знатких людях нами выявлены инвариантные структурные характеристики, которые выделяют подобные рассказы в кругу других устных нарративных жанров.

В центре такого рассказа всегда находится человек со сверхъестественными способностями, вокруг которого концентрируются события: *Он очень людей лечил, дед Тит, раньше не было лекарей никаких. Ну, он был знаткой. Если ему не понравится человек, он может и со свету сжить (Мт.: Рыбное, 2016); – Были. Бабушка Нюра была у нас. Вот, если человек потерялся где-то в лесу или чё, как-то она кричала в трубу. Потом чё-то тесто катала. Или собака у какого-то охотника потеряется, всё скажет или найдется. <...>– А как эту женщину назвали? – Ну, я не знаю. Как-то всё время гадать к ней бегали. "Посиди, моя". [– И она говорила правду? – Собир.] – Говорят вот совпадало всё. Она даже, дети у кого беспокойные были там, чё-то вытащит, какой-то хлеб, вот такой штучкой по спинке потоптает там, чё-то поговорит и всё. [– То есть она помогала людям? – Собир.]– Помогала (Кеж.: Яркино, 2018).*

Существует объект экстрасенсорного воздействия – тот, кому помогает или вредит знаткой, при этом объектом воздействия могут быть как человек, так и животные, природа: *Бабулька прибежала, в печку уголёчек достала березовый, водичку развела, меня умыла, пошла это побрызгала там, поплевала, и водичку в угол слила. **Я домой пошла, отлежалась и все, как бы, прошло** (Мт.: Мотыгино, 2016); *Вот этот наговор, как наговор, который он мне рассказал, я прочитала... рассказала это, потом сообразила, как уж это, всё. И вот это он увёл корову нашу!* (Бг.: Богучаны,*

2017); *Наша баба была знаткая, ужас какая сильная была, знаткая так знаткая! Вот дождя если долго нет, сушь – так она икону искупает в Ангаре, пошепчет что-то – и как из ведра, бывало, польёт. Много чё могла!* (Бг.: Таёжный, 2017).

Экстрасенсорные способности и магические действия «знаткого» рассказчиками оцениваются, как правило, с позиции добро – зло: *Переехали сюда, злой человек был мне, вреда делал: здесь мне всяки тряпки, иголки всяки подбрасывали, всё ругалась я с ней. А так никого... Она квартиру забрала мою, а мне эту дала. В этой ремонт надо было делать. И листа нету, а я же пожилая уж. Ну, её это... А она забрала мою с листом. Мы с ней разругались, я ей говорю: – Врёшь, подавишься, сука. Вон она мне мстила. И вот она мне то иголки подбросит, то кого ходила, то песку какого-то насыпет. Вот такая она была... (Кеж.: Кординск, 2018).* При этом нарраторы могут приписывать добрые и злые качества одному и тому же человеку: *Она лечила, она, не знаю, может быть, она и... Она и худое знала, но она, в основном, лечила детей (Мт.: Рыбное, 2016).*

Одной из важнейших особенностей устных рассказов о знатких людях является доминирующая в них функция выражения древних (языческих) форм мировосприятия. В текстах эксплицируются представления ангарцев о духах, о сакральном пространстве, нередко повторяется мотив оборотничества: *И тоже говорили, что бабушка у ей летала по трубе. Ну, превращалась она кем-то, метлой или чем-то. Ну, головёшкой ли, чем ли. Ну, вылетала по трубе, говорят (Бг.: Иркиннеево, 2015); Мне Колпаков, муж, с которым дети у меня, он мне рассказывал, что такое-то было, что идёт он, глядит – птица какая-то. Убираемся в каютах свиней. «Сядет, – говорит, – на плечо. Я, – говорит, – боюсь!». Тётя Соломея, помнишь её? И он такой: «Что это такое?». И её сын. Также тётя Соломея (колдунью тоже звали Соломея), он поймал на ней эту птицу-колдунью и в печку выбросили её, а печки раньше-то топились... (Кеж.: Климино, 2015).*

Устные рассказы о «знатках людях» как особый нарративный жанр обладают высокой лингвистической информативностью и социокультурной значимостью. Они обладают всеми чертами устного нарратива, а также рядом признаков, выделяющих их среди других нарративных жанров.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Аналитический обзор работ по теме исследования показал, что проблемы языковой и фольклорной картины мира по-прежнему находятся в центре внимания коммуникативно-когнитивной лингвистики. В ходе исследования установлено, что важнейшими функциями языковой картины мира являются: интерпретативная, регулятивная, номинативная, идентификативная и экспликативная. Языковая картина мира соотносится с понятием фольклорной картины мира, последняя включает мифологические и религиозные элементы, отражает архаическое мировосприятие, которое эксплицируется с помощью языковых элементов, в частности, слов-мифологем.

Важнейшим понятием современной лингвистики является понятие лингвокультуры, объединяющего два онтологически связанных феномена: язык и культура. Выявлено, что этот термин не имеет общепринятой дефиниции, в настоящем исследовании под лингвокультурой понимается «языковленная культура», а базовой единицей является лингвокультурный концепт. Сопоставление феномена языковой картины мира и лингвокультуры показало, что это соположенные, но не идентичные понятия: лингвокультура, в отличие от языковой картины мира может выражаться не только языковыми знаками.

В ходе исследования выявлены основные жанровые признаки устных рассказов о «знатких людях»: спонтанность и откровенность речи рассказчика; субъективация повествования; динамизм повествования; событийность и завершенность сюжета; ориентация повествователя на реакцию слушателя; в центре рассказа находится человек со сверхъестественными способностями; выражаются архаические формы мировосприятия рассказчика.

ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТНЫХ РАССКАЗОВ О «ЗНАТКИХ ЛЮДЯХ»

2.1 Лингвокультурный концепт и концепт-мифологема: содержание понятий

Одним из часто употребляемых в современном языкознании является понятие «концепт», поскольку концепт является мыслительной, ненаблюдаемой категорией, это дает большой простор для ее толкования. Содержание данного понятия также варьируется в зависимости от научной дисциплины, подхода и личных концепций авторов. Помимо лингвистов, данный феномен изучается логиками, философами, психологами и культурологами.

В настоящее время в лингвистике существует множество подходов к определению концепта (психолингвистический, лингвофилософский, лингвокогнитивный и другие), в центре нашего внимания находится лингвокультурологический подход определению данного понятия. Так, по мнению Ю. С. Степанова, концепт – это «идея, включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия» [Степанов, 199: 412], а также то, «...посредством чего человек – рядовой, обычный человек ... сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [Там же: 40]. В. И. Карасик характеризует концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик, 2002: 59] и выделяет в них три стороны: образно-перцептивную, понятийную и ценностную [Там же: 71]. В работах С. Г. Воркачёва концепт понимается как «единица коллективного знания (отправляющая к высшим духовным сущностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой [Воркачёв, 2004: 51–52].

Говоря о лингвокультурном концепте, считаем целесообразным обратиться к докторской диссертации Г. Г. Слышкина, в которой он называет базовые характеристики лингвокультурного концепта:

- комплексность бытования;
- ментальная природа;
- ограниченность сознанием носителя;
- ценностность;
- условность и нечеткость;
- когнитивно-обобщающая направленность;
- полиапеллируемость;
- изменчивость;
- трехуровневое лингвистическое воплощение (См. подробнее [Слышкин, 2004: 23–52]).

Перечень лингвокультурных концептов даёт понять, что они связаны с разными сферами жизни человека. Концепты дают представления о том, как отдельный человек или целый этнос воспринимают окружающий мир, другие народы и т.п.

Результатом отражения объективной действительности посредством мифологического мышления является мифологическая картина мира. Это часть обыденного сознания, сконструированная из мифологических концептов, номинируемых при помощи особого класса лексических единиц. Концепты, составляющие мифологическую концептосферу, традиционно трактуются как единицы коллективного сознания, которые отражают объекты возможных миров и в вербальной форме представлены в национальной памяти носителей языка [Питина, 2002: 36], и в исследовательских работах именуются мифологическими концептами, мифоконцептами, мифологемами.

Символическая природа мифологема проявляется, прежде всего, в конкретно-образном способе изображения реальности, необходимого в

случаях, когда она не укладывается в рамки формально-логического и абстрактного изображения. В культурологии мифологема, как правило, соотносится с планом содержания, имеет надэтнический характер и определяется как мифологический сюжет, сцена, образ, характеризующиеся глобальностью, универсальностью и имеющие широкое распространение в культурах; как сходная, повторяющаяся тема в мифах разных народов; как составной элемент мифологического сюжета.

В современной лингвистике статус мифологемы амбивалентен. Так, О. И. Быкова и О. Н. Ракитина относят мифологему к культурным концептам [Быкова, Ракитина, 1999: 139]; такой же позиции придерживается Е. В. Матвиенко, трактуя мифологемы как «концепты мифологической картины мира» [Матвиенко, 2010: 6]. С. А. Питина характеризует мифологему, с одной стороны, как концепт, с другой стороны, как имя, не имеющее денотата [Питина, 2002: 35–36]. Относят мифологему к единицам лексической системы О. А. Черепанова, О. В. Абыякая (использует термин «слово-мифологема»), Ю. М. Чуликов и ряд других исследователей. В наиболее концентрированном виде характеристики мифологемы как единицы языка выражены в следующем определении: слова-мифологемы – «наименования персонажей, слова особого мифического содержания, являющиеся результатом деятельности мифического мышления по структурированию мира».

В свою очередь нами **концепт-мифологема** понимается как культурно маркированный мыслеобраз, находящийся на стыке обыденного и мифологического сознания. Именно концепты-мифологемы представляют особый интерес при изучении традиционной крестьянской лингвокультуры, которая сложилась под влиянием древних верований и представлений.

Говоря о концепте-мифологеме, исследователи выделяют такие его признаки, как:

- 1) наличие структуры, тождественной структуре лингвокогнитивных концептов;

2) отражение характеристик тех объектов и явлений, у которых, как правило, отсутствует референт в реальной действительности (за исключением знахарей и т.п.);

3) наличие хорошо развитого аксиологического компонента [Плахова, 2013: 30].

Таким образом, концепты-мифологемы являются разновидностью лингвокультурных концептов, в которых находят отражение мыслеобразы, маркированные традиционной, доиндустриальной, культурой.

2.2 «Знаткие люди»: этнолингвистический и семантический аспекты

В устных рассказах о людях со сверхъестественными способностями эксплицируется лингвокультурный макроконцепт «знаткие люди». Рассмотрим семантику и этимологию имени данного концепта, а также установим имена субконцептов, которые включаются в структуру исследуемого макроконцепта.

Родовым наименованием, обозначающим таких людей, является словосочетание «*знаткие люди*», а также его субстантиват «*знаткой*» или «*знаткий*» (мотив. глаг. «*знать*»). Данное понятие широко используется в русских сибирских и уральских говорах в значении «знающий ремесло знахаря, колдуна, занимающийся ремеслом знахаря, колдуна». «*Знаткая мать-то была у него*». Ср. Урал, 1964. «*Кто знаткой, тот и пускал порчу*». Том. Перм. «*Знаткие люди*». Ачин. Енис., 1897. Иркут., Краснояр. «*В старину чертознаев приглашали на свадьбу, садили на почетное место, угощали и дарили, чтоб он не только сам чего-либо не надековался и не награл над молодыми и свадебжанами, но не попустил бы и другого знаткого человека, такого же себе под шерсть, что-либо изладить на покась*» [Филин, Сороколетов, 1976: 309]. Эта лексема является родовой по отношению к видовым наименованиям, которые в свою очередь делятся на две лексико-семантические группы.

К первой лексико-семантической группе с семантическим ядром «**тот, кто помогает**» относятся номинации людей, которые используют свои способности для того, чтобы помочь, излечить:

Знахарь, знахарка (от «знаха», «знати») – в узком значении – «лекарь, применяющий травы, заговоры, массажирование, водолечение и др. в сочетании с различными ритуалами». Существовали также знахари – заклинатели змей и других животных, знахари-предсказатели (другое название – волхвы). Знахарство восходит к дохристианским культам. В России вплоть до конца XVIII в. знахари были врачевателями. [Современная энциклопедия, 2000]. В лингвистических толковых словарях в дефинициях лексемы знахарь, знахарка на первое место также выходят семы «лечение» и «колдовство».

В народном сознании «знаткой» человек часто ассоциируется с пожилой опытной женщиной, в словаре Г.В. Афанасьевой-Медведевой (2007) есть несколько лексем с ключевым словом «бабка», которые дифференцируются в зависимости от их сферы деятельности и методов лечения. Рассмотрим их подробнее:

- **Бабка-рудомётка** («рудá» диал. в знач. «кровь») – «женщина, которая лечит путем кровопускания» [Афанасьева-Медведева, 2007: 92].
- **Бабка-самородка** («бабка самородная») – «женщина, обладающая сверхъестественными способностями, умением предсказывать будущее, лечить» [Афанасьева-Медведева, 2007: 93].
- **Бабка, бабка-повитуха** («бабка повивальная, повитуха») – «женщина, оказывающая помощь при родах» [Афанасьева-Медведева, 2007: 89].

При описании людей, номинации которых относятся к данной лексико-семантической группе, на первый план выдвигается их связь с церковными обычаями, например, чтение молитв во время обряда, крестное знамение перед совершением ритуала: *У неё вот только один дом остался, потому что она с этой, с иконкой проходила. Видать, каку-то молитву читала, проходила, у неё дом остался* (Мт.: Рыбное, 2016); исключительные черты характера, подчеркивается их желание помочь, сделать добро: *Да, она была*

очень хорошая бабушка, она рядом с нами жила. Она такая доброжелательная, маленька старушка была. Она стряпала хорошо, она – всё, что ни случись, всё к ней люди шли и шли. Она всем-всем помогала (Бг.: Пинчуга, 2017); важной особенностью является признание уникальности дара: *И он у меня сидит как-то ест, он весь, на руках, – я внимание обратила – весь в бородавках! Бородавки знаете, что такое? <...> Ну вот, я и прижигала, и всяко, и всё. Потом пошла к одной бабушке, Ульяне. <...> Наверно, дней за пять у него полностью всё прошло. Вот что умеют? Много было... много было...* (Кеж.: Кодинск, 2015).

Как правило «бабки» выступают на стороне «белых» сил, помогая людям справляться с недугами, однако, например, **«бабка-шептунья»** (бабка-шептуха, бабка-шептунька) может послужить наименованием как для знахарки, так и для колдуньи.

Ко второй группе, семантическое ядро которой **«тот, кто вредит»** относятся номинации людей сведущих в «темной» магии, занимающихся не только лечением, но и вредительством:

- **Ведьма (колдунья, колдовка)** от «ведать, знать» – «по народным поверьям, поддержанным средневековыми христианскими богословами, женщина – служительница дьявола, обладающая сверхъестественными способностями вредить людям и животным» [Кононенко, 2003: 34].

Важно отметить, что контекстов со словом «ведьма» в ангарских нарративах немного, чаще они заменяются диалектными словами колдовка или волхитка. Например, *«С кладбишиша его жена. Волохитка была, знала»* или *«...она волохитка, вообще, называли волхитка её»*.

- **Волохитка** (волхивка, волхидка, волхитка, волховка) (мотив. сущ. волхвы) – устар. «ведьма, колдунья» [Афанасьева-Медведева, 2011: 124].

- **Колдун** и колдунья (ведьма) обычно являются синонимичными обозначениями людей, главная черта которых – сговор с нечистой силой.

Людам, номинации которых относятся к этой лексико-семантической группы приписывают связь с нечистой силой, желание навредить (забрать счастье, попортить скот), часто рассказывают о зловредном характере: *...если его не пригласили на свадьбу, из ворот конь не выйдет. Ворота открыты, а конь на дыбы становится и всё, пока старика не позовут. Он чё-то пошепчет, всё – конь пошел* (Мт.: Рыбное, 2016), о неудачах после встречи с ними: *Поедешь неводить – если ее встретишь, лучше обратно ворочайся* (Бг.: Таёжный, 2017), однако существуют и истории о том, как они лечили людей: *Он лечил людей, раньше не было лекарей никаких. Ну, он был знаткой* (Мт.: Рыбное, 2016) при этом не исключается их темная сторона: *...Если ему не понравится человек, он может и со свету сжить* (Мт.: Рыбное, 2016).

Вера в людей со сверхъестественными способностями бытует в русской культуре с глубоких времен и сохраняется до сих пор. По народным поверьям «знаткие люди» отличаются от обычных даже внешне: в рассказах им часто придаются демонические или зооморфные черты, описываются неестественно длинные для человека волосы или ногти, большое внимание отводится взгляду (может быть злым, страшным, пронизывающим, горящим огнем и т.д.). Иногда «знаткие» наделяются свойственными мифологическим существам особенностями поведения, например, боязнью появляться на улице днем, склонностью к отшельническому образу жизни, отрицанием церкви и церковных праздников. Распространены также рассказы о способностях таких людей к перевоплощению в животных, птиц, предметы или других людей. Согласно представлениям жителей России любой человек может в той или иной степени обладать способностями к знахарству, колдовству, бытовой магии.

Что касается верований народов Сибири, то можно сказать, что представления восточнославянского населения о «знатких людях» совпадают

с общерусской мифологической традицией. Отличительными чертами может считаться то, что в рассказах редко описывается внешность таких людей, не уделяется внимание портретным деталям, а также широкая распространенность в нарративах описаний оборотничества колдуний. Известны повествования о перевоплощении ведьмы в ворону, сороку, кошку, собаку и других животных, а также в неодушевленные предметы: метлу, лопату, ухват и т.д. Встречаются также (но достаточно редко) рассказы о превращении ведьмы в природную стихию, например, в ветер. Среди встречающихся сюжетов, наиболее популярными являются следующие:

- ведьма портит людей/животных;
- оборотничество ведьмы;
- тяжелая смерть ведьмы;
- «знаткой человек» на свадьбе;
- знахарь лечит человека.

Аналогичные сюжеты выделяет С.В. Калинина в диссертации «Персонажи освоенного пространства в традиционной мифологической прозе восточнославянского населения Красноярского края» (2005). Следует отметить, что нарративы о знахарях в сибирской лингвокультуре распространены меньше, чем повествования о людях, связанных, по поверьям, с нечистой силой.

Нарративы о «знатких людях» стали записываться в конце XIX – начале XX века. Из первых исследователей, занимавшихся фиксацией текстов, нам известны А. А. Макаренко, В. С. Арефьев, М.В. Красноженова и др. Первоначально такие рассказы интересовали ученых как иллюстрации к материалам о верованиях жителей Сибири, и только позже они сами стали объектами изучения.

В настоящее время проводятся фольклорные и диалектологические экспедиции в различные районы Красноярского края, которые позволяют собрать эмпирический материал о «знатких людях» в достаточном объеме

для его изучения. Сакраментальные представления о «знатках» в большей мере бытуют у людей, которые ведут сельский образ жизни.

Итак, родовое понятие «знаткие люди», а также его субстантиват «знаткой» или «знаткий» широко используется в русских сибирских и уральских говорах в значении «знающий ремесло знахаря, колдуна, занимающийся ремеслом знахаря, колдуна» и представлено двумя лексико-семантическими группами. Верования народов Сибири совпадают с общерусской мифологической традицией, несмотря на некоторые расхождения.

2.3 Структура и языковые средства экспликации макроконцепта «знаткие люди»

Особой разновидностью лингвокультурных концептов являются макроконцепты. Это «целостные образования с широким спектром значения, создающие когнитивную субстанцию языка и выступающие в качестве базы языковой картины мира» [Шарипова: 10] или, другими словами, «опорные концепты, вокруг которых концентрируются родственные по смыслу субконцепты» [И. И. Чумак-Жунь: 197].

В свою очередь, «микрoконцепты» (или «субконцепты») – это концепты нижнего уровня категоризации, которые входят в макроконцепт. Именем исследуемого концепта в русской концептосфере является словосочетание «знаткие люди», происхождение которого мотивировано глаголом «знать», относящимся к праславянскому фонду и образованному, по мнению Павла Яковлевича Черных от *znati. В русских сибирских и уральских говорах словосочетание «знаткие люди» функционирует в значении «знающий ремесло знахаря, колдуна, занимающийся ремеслом знахаря, колдуна» [Филин, Сороколетов, 1976: 309].

Анализ понятийного слоя макроконцепта позволил выявить следующие когнитивные признаки:

- реальный человек, который обладает тайными знаниями и использует их для воздействия на животных: *Знаткая – это чё-то знает. Как у меня соседка была знаткая, и она мне там говорила заговор... и говорит заговор, и она никогда с места не вильнет, ничего так! Заговор такой, что корова стоит, как стена* (Бг.: Пинчуга, 2017);
- реальный человек, который обладает тайными знаниями и использует их для воздействия на природу: *[А ещё что делать может? - Собир.] – Ну, грозу может отвести. Если она только собирается. Там, говорит, нужно момент поймать, когда остановить можно. [Как? Каким образом? – Собир.] – Слова есть специальные* (Бг.: Таёжный, 2017).
- реальный человек, который обладает тайными знаниями и использует их для воздействия на другого человека: *[А сейчас есть такие люди <знаткие>? – Собир.] ...есть вообще очень много. Вон тётя Аня Говрушенко, но ей тоже уже наверно под восемьдесят. Вот она очень хорошо правит голову. Вот если сотрясение или ещё что-то и вот правит голову* (Бг.: Богучаны, 2017).

Говоря о структуре концепта, мы можем выделить два субконцепта «ведьма /волхитка» и «знахарка». Номинации субконцептов делятся на две лексико-семантические группы: семантическое ядро первой группы – «тот, кто вредит», второй – «тот, кто помогает».

Субконцепт-мифологема «ведьма / колдун»

Лексема волхитка является вариантом существительному «волхв» [Фасмер, 198: 346] и является синонимичным для обозначения колдуньи, ведьмы.

Основными концептуальными признаками данного субконцепта являются следующие:

- реальный человек, знакомый рассказчику, который обладает особыми тайными знаниями: *Знаткая – это чё-то знает. Как у меня соседка была знаткая, и она мне там говорила заговор... и говорит заговор, и она никогда с места не вильнет, ничего так! Заговор такой, что корова стоит, как стена (Бг.: Пинчуга, 2017); – Дед Тит. Я тоже рассказывала женщине-то вот, с девочкой. Он лечил людей. Раньше не было лекарей никаких. Ну, он был знаткой. Если ему не понравится человек, он может и со свету сжить (Мт.: Рыбное, 2016).*
- реальный человек, знакомый рассказчику, который совершает тайные ритуалы для нанесения вреда кому-либо: *Теперь значит она, это яйцо чёртово зачихала всё-таки, зачихала, бумажечку туда бросила. Так знаете чё, в конторе, как тока вечер, начинался всякий звон, колокольчик, рёв, плач, вой, то как в трубу дует, вот такое... Да. <...> Она наговорила. Наговор. Чёртово яйцо. Она мне потом яйцо показала вот так вот на бумажке, это птички... гнездо разорила где-то. И вот эти яйца разносила. Сильные колдуны были, вымерли, у нас щас нету их, нету (Мт.: Рыбное, 2016); *Переехали сюда, злой человек был мне, вреда делал: здесь мне всяки тряпки, иголки всяки подбрасывали, всё ругалась я с ней. А так никого... Она квартиру забрала мою, а мне эту дала (Кеж.: Кодинск, 2018).**
- человек, который, по слухам, обладает сверхъестественной способностью превращаться в животное: *Это я не знаю, но свекровка рассказывала так: вот, у них, вот, где мы купили дом, и жили в её, так вот их два было крыла. И хто-то, кака-то делалась свиньёй и приходила. И её избили, эту свинью, и она убежала. Убежала, а утром, говорят, заболела вот эта вот старуха. Вот это я слыхала у свекровки. Волхитка сделалась свиньёй и пришла во двор. Ну, чё они делали, во двор приходили, значит, портили, я-то так понимаю-то как, портили скота, на кого злой. Ну, ведь не каждый человек добрый есть, всякий есть (Бг.: Иркинеево, 2015).*

Для структуры анализируемого концепта характерно наличие образно-перцептивного и аксиологического слоев. В нашей большой текстотеке о знатках встретилось только 2 примера, в которых рассказчик останавливается на внешнем образе волхитки. В обоих – знатка представлена в образе древней старухи, бабки или костлявой женщины: *Если ей уже было за восемьдесят, то есть она какого-то тысячу восемьсот девяносто какого-то года рождения была тётка. То есть древняя бабка, то есть... Если семьдесят седьмой, ей восемьдесят с лишним вот получается хвост. То есть она это такая шустренькая. Но и я, как поняла, что она хорошо пак... в своё время пакостила* (Мт: Мотыгино, 2016); *Три сестры, они высохли, не здоровей вас были, высохли с руку мою, наверно. Всё их мучило. Мучило их, грех мучил. Ревели день и ночь. Мучились. Господь их карал. Они с чертям были связаны. Они не рады потом. Надо было кому-то передать, а кто такую возьмет на себя? Они не могли эту с себя снять, с чертям связаны, всё, всё мучились* (Мт.: Рыбное, 2016).

Народное сознание связывает колдунов и ведьм с дьявольской силой, их ремесло считают греховным и наказуемым Богом. Действия колдуна /ведьмы описываются с помощью оценочной, экспрессивной лексики, реализующей субъективно-модальные значения и передающей эмоционально-экспрессивные реакции рассказчика на событие или встречу с ними. В текстах встречаются общеоценочные качественные прилагательные, например, «нехороший», которые употребляются также в сочетании с местоимением усиления степени качества «такой» – [*Получается, что эта женщина – глазливый человек? – Собир.] – Да, **нехороший** человек, она **нехорошая была такая**. Её никто у нас в деревне не любил <...>* (Бг.: Пинчуга, 2017). Выделяется большое число контекстов с негативно-оценочными существительными и предикатами: *... они **входили с хитростью** <...> выведает всё, а потом подкатятся к этой самой девчонке или бабёнке ну и **напакостят*** (Бг.: Пинчуга, 2017); негативное отношение к ним выражается также путем использования слов и выражений

экспрессивных конструкций с бранной лексикой в бранном значении: *Ну или у нас вот на улице жила эта, Пулиха. Пропади она пропадом, и в земле пусть она перевернётся там, зараза такая. Вот стоит ей дорогу перейти – бесполезно. Лучше не идти, лучше вернись домой* (Бг.: Богучаны, 2017).

Тип оценки людей, обладающих тайными знаниями и способностями, которые направлены на нанесение вреда, в ангарской лингвокультуре преимущественно этический, их действия рассматриваются с точки зрения общекультурной оппозиции добро – зло, которая наполнена также религиозными смыслами. Колдунам и ведьмам приписывается связь с дьяволом или чертом, подчеркивается их злость, коварство, хитрость. Следует отметить и утилитарный тип оценки, когда рассказчик характеризует действия ведьмы как вредительство (колдун / ведьма может нанести материальный ущерб: например, может сглазить корову и она перестанет доиться, может отнять удачу у рыбака и т.п.

Субконцепт-мифологема «знахарка / знахарь»

Именем данного концепта является лексема *знахарка*. В толковых и энциклопедических словарях фиксируется лишь слово мужского рода в значении «лекарь, применяющий травы, заговоры, массажирование, водолечение и др. в сочетании с различными ритуалами» [Современная энциклопедия, 2000]. В текстах Северного Приангарья данная лексема чаще используется в форме женского рода и обозначает женщину, которая занимается лечением людей с помощью трав и заговоров.

Основными концептуальными признаками данного концепта являются следующие:

- пожилой человек, который обладает, по мнению рассказчика, способностями белого мага: *Да просто это как белая магия. <...> Такая вот бабушка была, бабушка Наталья. Ну, от испуга какие-то у неё заговоры, чисто белая магия. Все бегали к ней* (Кеж: Козинск, 2013); – *Вот. Что было очень много бабушек и старички, которые*

*вот лекари, лечат. О-о... у нас очень много было. У нас дедушка был старинный-престаринный. Он, вот, лечил, вот, припадки, вот, кода бьют, как «своя» она называется или как-то. Он **вылечивал**. Никто не вылечивал. Он **вылечивал** (Бг.: Богучаны, 2017);*

- пожилой человек, знакомый рассказчику, который лечит заговорами и ритуалами: *Ну как. Раньше старухи были, лечили, от Бога всё равно, надо было ко старухам. Вот ребенок сглазит, хороший ребенок, пойдут к старухе. Она пошепчет чё-то ему. Старуха в нашем возрасте была... ой, не спит ребенок, измучили его. Она ходит, пошопчет ему, поплюёт чё-то, замочет водичкой его, попоит. Были, были **знающие старухи** (Бг.: Пинчуга, 2017); – Конечно, **заговоры есть**. Неспроста ж тут пришли, помогли, нет. Читают молитвы такие заговорные... [– Эти молитвы, конечно, не все знают. – Собир.] – Не-ет, нет, моя. Вот эти знахарь-то и знали (Мт.: Рыбное, 2016);*
- человек, который, по мнению окружающих, обладает сверхъестественной способностью воздействовать на природу, животных: *У нас жила Анна Аввакумовна. Вот саранча поядала весь хлеб. Яё увезут туда, и она кругом поле обойдёт и всю саранчу уводила. [Куда? – Собир1.] – Прямо. [За собой что ли? – Собир1.] – Да, она потом... она потом уходила эта саранча, она с поля уйдёт, её нету. Нету этой саранча, она уводила её (Бг.: Иркиннеево, 2017).*

Образно-перцептивный образ знахарки создаётся как правило при помощи описания благожелательного выражения её лица, хрупкой фигуры: *[Получается, она была знахаркой? – Собир.] – Да. <...> Она такая **доброжелательная, маленька старушка** была. Она стряпала хорошо, она – всё, что ни случись, всё к ней люди шли и шли. Она всем-всем помогала (Бг.: Пинчуга, 2017). Несмотря на то, что ремесло знахарей является «нехристианским», народное сознание связывает этих людей с Богом, на первый план выдвигается их связь с церковными обычаями, выделяются*

положительные черты характера, подчеркивается их желание помочь, сделать добро.

Действия знахарей описываются с помощью оценочной, экспрессивной лексики, реализующей субъективно-модальные значения и передающей эмоционально-экспрессивные реакции рассказчика на событие или встречу с ними. В противовес колдунам, сибирским знахаркам приписываются положительные качества, что подчеркивается общеоценочными качественными прилагательными и экспрессивными лексемами «очень», «сильно»: ...она **сильно хорошая** была бабушка (Мт.: Рыбное, 2016); Да, она была **очень хорошая** бабушка, она рядом с нами жила (Бг.: Пинчуга, 2017); Вот баба Дуня была, она знаткая была, но она была **очень добрая** (Бг.: Пинчуга, 2017); Она живая сейчас. Вот она **очень хорошо правит голову**. Вот если сотрясение или ещё что-то, и вот правит голову. Она вот за три сеанса выправляет голову, что потом вообще ни голова не болит, ничего (Бг.: Богучаны, 2017). Одобряется их деятельность (лечение, помощь): Она **лечила**. Она, не знаю, может быть она и... Она и худое знала, но она в основном **лечила детей**. Вот. Лечила от всяких этих запугов, испугов (Мт.: Рыбное, 2016).

Тип оценки людей, обладающих тайными знаниями и способностями, которые направлены на лечение, пользу, в ангарской лингвокультуре преимущественно этический, их действия рассматриваются с точки зрения общекультурной оппозиции добро – зло, которая наполнена также религиозными смыслами. Следует отметить и утилитарный тип оценки, когда рассказчик характеризует действия знахаря или знахарки как пользу.

Анализ структуры макроконцепта «знаткие люди» позволил установить, что в концептах «знахарка / знахарь» и «ведьма / колдун» манифестируются смыслы и оценки, обусловленные мифологическим воззрением и установками русской этнокультуры. В понятийном и ценностном слоях субконцептов проявляются актуальные для крестьянского сознания когнитивные признаки.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Исследование устных рассказов о «знатких людях» в лингвокультурологическом аспекте базируется на учении о лингвокультурном концепте, под которым понимается ментальное многоуровневое образование, детерминированное формами культуры. Анализ показал, что концепт-мифологема «знаткие люди» является важнейшей разновидностью лингвокультурного концепта.

По своей структуре данный концепт относится к макроконцептам, его именем является диалектное словосочетание «знаткие люди», которое мотивировано глаголом «знать». По народным представлениям эти люди обладают тайными знаниями. Установлено, что видовыми наименованиями людей со сверхъестественными способностями являются слова и словосочетания: ведьма / колдун, знахарка / знахарь, бабка-рудомётка, бабка-самородка, бабка-повитуха и др. В текстах передаются представления старожилов Северного Приангарья о «хороших» (белых) и «плохих» (черных) знатких людях. Положительно оцениваются преимущественно знахари (народные целители), отрицательно – ведьмы, колдуны, которые могут сглазить, нанести порчу людям и животным.

В работе подробно рассмотрена структура макроконцепта «знаткие люди», проанализированы субконцепты «знахарка» и «ведьма». В ходе исследования установлено, что данные субконцепты включают в себя понятийный, образный и аксиологический слои. Характерной особенностью является недостаточность образного слоя, лишь в единичных примерах встречаются перцептивные и образные языковые средства. Преобладают оценочные средства языка, при этом особо выделяются этические и утилитарные типы оценки.

ГЛАВА 3. КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТНЫХ РАССКАЗОВ О «ЗНАТКИХ ЛЮДЯХ»

3.1 Диалектная коммуникация и диалектный дискурс

Изучение особенностей диалектной коммуникации и диалектного дискурса относится к актуальным задачам современной лингвистики, которая развивается в русле антропоцентрической мегапарадигмы. Под диалектной коммуникацией мы понимаем процесс порождения, передачи и восприятия каких-либо устных высказываний, маркированных локальными, темпоральными и культурными признаками.

Исследователями В. Е. Гольдиным, Т. А. Демешкиной, С. М. Беляковой и др. выделяются следующие черты диалектной коммуникации:

- спонтанность, неподготовленность, непринужденность и диалогичность общения;
- специфика этикетных представлений и форм поведения (обращения типа «родна», «моя» к незнакомым или малознакомым людям; наличие эмоционально-экспрессивных наименований детей («челядишки», «печёнки бабины» и т.п.);
- четкое разграничений категорий «свои» и «чужие»;
- доминируют обиходно-бытовой и народнопоэтический функциональные стили общения [Белякова, 2005; Гольдин, 2009; Демешкина, 2000 и др.].

Определяя диалект как «инструмент повседневных интерпретаций», исследователи преимущественно делают акцент на специфике бытовой и ритуально-коллективной коммуникации носителя диалекта, в основе которой лежит единая система ценностей [Калиткина, 1998: 3].

В ходе диалектной коммуникации используются различные речевые тактики, характерные для непринужденной разговорной речи и ритуальной коммуникации, например, тактики «призыва к откровенности», «утешения»,

«неявного выражения смысла», «уклонения от ответа», «неявного способа информирования», «неожиданной смены темы» и другие.

От понятия «диалектная коммуникация» следует отличать понятие «диалектный дискурс». Вслед за В.В. Красных мы понимаем дискурс как «вербализуемую речемыслительную деятельность, предстающую как совокупность процесса и результата и обладающую как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [Красных, 2008: 53]. Феномен диалектного дискурса рассматривается нами как «использование языка, за которым стоит национально и исторически обусловленная ментальность». Диалектный дискурс представляет собой «сферу обыденного смыслополагания, неотделимого от эмоций и оценок» [Калиткина, 1998: 3].

В работах по коммуникативной диалектологии и дискурсологии отмечается, что особенности диалектного дискурса реализуются не только через обыденную речь диалектоносителей, но и через фольклорные жанры, являющиеся неотъемлемой частью народной культуры.

Важнейшими единицами диалектного дискурса являются дискурсивное событие, дискурсивные акты, субъекты коммуникации, речевой жанр, речевая ситуация, коммуникативные тактики и стратегии и др.

При анализе диалектного дискурса следует уделять внимание описанию дискурсивных событий, то есть совокупности коммуникативно значимых речевых и неречевых действий коммуникантов, направленных на достижение какой-либо коммуникативной цели.

С понятием дискурсивного события органично связаны представления о дискурсивных актах. Вслед за М. Макаровым под дискурсивным актом понимается «минимальная коммуникативная единица, речевая или жестомимическая по природе, которая в каждом конкретном случае употребления в разговоре имеет свою специфическую значимость с точки зрения развития речи как системы действий, коммуникативных планов и стратегий» [Макаров, 2003: 183].

Специфику дискурса во многом определяют коммуниканты. Принято выделять следующие признаки личности современного диалектоносителя – субъекта диалектного дискурса:

- преимущественно чувственный, эмоциональный тип познания;
- наглядно-образное представление окружающего мира, связанное в то же время с конкретной практической деятельностью;
- несколько иная, чем в литературном языке гносеологическая база, которая состоит из традиционных знаний крестьянина и архаических представлений об устройстве мира [Вершинина, 2013: 22].

Для диалектного дискурса типичны: устный рассказ, который включает в себя устные нарративы (в широком смысле), мемораты, фабулаты и др.; разговор (социально-бытовой, информативный, предписывающий и др.); беседа (беседа-обмен мнениями на какую-либо тему (о событиях, людях), беседа-обмен сведениями о личных интересах, беседа-празднотворение и др.); реплика и др. Типично также употребление фольклорных жанров, таких как предание, быличка и легенда.

Особое место при анализе диалектного дискурса отводится речевой ситуации как «совокупности обстоятельств, в которых реализуется общение, система речевых и неречевых условий общения, необходимых и достаточных для совершения речевого действия» [Азимов, Щукин, 2009: 252].

Итак, диалектная коммуникация и диалектный дискурс – это феномены разного порядка, соотносящиеся как процесс и семиотически сложная сфера, в настоящей ВКР акцент делается на особенностях диалектной коммуникации.

3.2 Коммуникативные цели, тактики и стратегии устных рассказов о «знатках людях»

Определение коммуникативной цели устного рассказа является одной из основных задач при его анализе, т.к. известно, что ориентация адресанта на реакцию адресата – это одно из наиболее важных свойств повествования. Под **коммуникативной целью** (интенцией, намерением) мы понимаем мысленное предвосхищение участником коммуникации желательного для него результата общения, направленность сознания на такой результат [Азимов, Щукин, 2009: 100].

Анализ использованного в данной работе эмпирического материала позволил установить, что все рассказы о «знатках людях» выполняют нарративную функцию, поскольку информант либо рассказывает об исключительных событиях, свидетелем которых он являлся, либо передает и комментирует воспоминания других людей. Одной из коммуникативных целей рассказов о «знатках людях» является **информационная**, которая нередко сочетается с **аксиологической**. Рассказчик не просто передает информацию о необыкновенных людях и событиях, но и выражает свою оценку: [*– Баба Дуня была знахаркой? – Собир.*] – *Да, она была **очень хорошая** бабушка, она рядом с нами жила. Она такая доброжелательная, маленька старушка была* (Бг.: Пинчуга, 2017); [*– Получается, что эта женщина – глазливый человек? – Собир.*] – *Да, **нехороший** человек, она – **нехорошая** была такая. Её никто у нас в деревне не любил* (Бг.: Пинчуга, 2017).

В устных рассказах о «знатках людях» реализуются различные стратегии и тактики устной речи. Под **коммуникативной стратегией** вслед за О. С. Иссерс понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей», который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого

плана» [Иссерс, 1999: 54]. Стратегии реализуются в конкретных тактиках, то есть являются «конкретными этапами осуществления речевой стратегии» [Азимов, Щукин, 2009: 253].

Анализ показал, что некоторые рассказы о «знатких людях» построены таким образом, чтобы убедить адресата в реальности происходящего. В таком случае нарратор прибегает к **аргументативной стратегии**, при этом часто используя ссылки на реальные факты или апеллируя к личности слушателя: *Знаете, я такую историю расскажу. Это в Каменке было, её звали Скребушка, старушку одну. Ну, вот об этом я маму спрашивала несколько лет, она говорит: – Да, правда, это было. <...> не знаю, если она не передала никому это, она умерла, если бы передала кому-то своим вот этим вот, ну, вот насколько это... Мы раньше всегда: Скребушка, Скребушка. Там домик остался, где она жила в то время, вот это. А тут я уже маму спрашивала, потому что всё равно как-то более пожилой, и тем более она жила. Да, вот это правда было* (Бг.: Манзя, 2017).

В устных нарративах о «знатких людях» реализуется также **имагинативная тактика нарративной стратегии**, которая характеризуется тем, что рассказчик детально описывает магический ритуал: *Вот да, бабулька сделала тогда вот, ей уже лет семьдесят, наверное, было. Бабулька прибежала, в печку уголёчек достала березовый, водичку развела, меня умыла, пошла это побрызгала там, поплевала и водичку в угол слила. Я домой пошла, отлежалась там буквально, ну, час там – два, я щас уже не помню, и всё как бы прошло. Вот* (Мг.: Мотыгино, 2016); *Тётя Уля Цих, была у нас такая тут, она по кофейной гуще гадала. Ну, Наде рассказала, она говорит: «Ты знаешь чё, ты сходи к тётке Уле Цих. Она тебя посмотрит хотя бы». Ну, и вот я к ней пришла, а она кофе дала мне попить. Ну, там немножко. «Давай мне, – говорит, – сюда, гущу». Ну, и вот она на блюдечко её – раз. И вот, знаете, ну, верите, нет, вот начал вырисовываться так вот памятник, вот так вот, и звёздочка, крест. Она говорит: «Ну, тебе это на смерть»* (Бг.: Богучаны, 2017).

Об *экспозиторной стратегии* следует говорить в том случае, когда нарратором в ходе повествования даются пояснения к чему-либо: «...когда умирали, говорят, что умереть не могла, что сильно знаткие люди они умирают, мучаются перед смертью. Вот перед ней, перед ее кроватью, вырывали половицу вверху. [–Для чего? – Собир.] Ну, вырывали, вырывали, чтоб у нее душа ушла. Вот так вот» (Мт.: Рыбное, 2016); [– А как Вы лечите? – Собир.] – А грыжу закусываю. [– Как это? – Собир.] – Закусываю пупик. Закусываю. А потом у меня тако средство есть, скоблю ребятишкам на сосок, пососут и всё. У меня вот у обоих грыжи не было. Юлька из больницы приехала, я наскоблила – на-ка, Юленька, на сосок. Сосёт и всё, раза три пососёт и всё (Бг.: Богучаны, 2017).

Таким образом, в рассмотренных текстах доминируют информативная и аксиологическая коммуникативные цели; рассказчики придерживаются различных коммуникативных стратегий для их достижения: аргументативной, нарративной, экспозиторной.

3.3 Коммуникативная тональность устных рассказов о «знатких людях»

Категории субъективной модальности и тональности текста взаимосвязаны и определяют специфику диалектного дискурса. Под субъективной модальностью понимается оценочное отношение рассказчика к предмету повествования (уверенность или неуверенность, согласие или несогласие, положительная или отрицательная оценка и т.д.). Тональность текста – это «субъективная модальность на текстовом уровне» [Матвеева, 2014: 692].

Смысловой основой тональности текста является оценка говорящим описываемых фактов. В диалектном дискурсе преобладающей оказывается оценка информантом содержания собственных высказываний с точки зрения реальности в силу того, что предметом речи оказываются реальные события из жизни информанта. Это объясняет и, с одной стороны, высокую степень

уверенности в сообщаемом, с другой – эмоциональную оценку содержания высказывания. В исследуемых текстах тональность выражается с помощью словообразовательных, морфологических, лексических, синтаксических и стилистических средств.

Наиболее часто встречающимся средством экспликации субъективной модальности на словообразовательном уровне являются суффиксы еньк-/-оньк-, -очек-/-ёчек-, -ичк-, -ульк- и другие, которые придают качественным прилагательным эмоционально-оценочный характер, в данном случае ласкательный и уменьшительно-ласкательный: *Ну, вот говорили, что если она кого-то невзлюбит, то она сделает так, что вот... Но она и сама не скрывала. Она была маленькая такая, **чудненькая**. <...> Вот она вот такая была* (Бг.: Богучаны, 2017); *Вот это вот на самом деле помогает, потому что давным-давно я, как бы ещё тоже, мне лет как бы двадцать – двадцать два было, в гости пришла, пришла как бы здоровая, всё. И потом чувствую, что мне начинает плохо <...>. **Бабулька** прибежала, в печку **уголёчек** достала березовый, **водичку** развела, меня умыла, пошла это побрызгала там, поплевала и **водичку** в угол слила* (Мт.: Мотыгино, 2016).

Среди морфологических средств выражения субъективной модальности важнейшую роль занимает класс модальных слов, который выражает отношение говорящего к предмету речи, при помощи этих слов рассказчик соотносит информацию и реальность. Данный класс представлен:

а) вводно-модальными словами со значением уверенности. Эти слова свидетельствуют об уверенности говорящего в том, что он говорит, в разговорной речи ангарцев чаще всего встречается лексема «конечно»: *Вот это батюшка-колдун. Ну, потом, **конечно**, прихожане всякие есть, написали в эту епархию. Он недолго, его месяца два только – и **фить!*** (Мт.: Мотыгино, 2016); – *А вот про бабу Стёпу, ну, про бабу Стёпу я слышала. Баба Стёпа – я её хорошо помню. [А она что-то делала? – Собира.] – Она же. Ну, **конечно**, она «знала» – она же у меня у Сашки загрызала грыжу* (Бг.: Таёжный, 2017);

б) вводно-модальными словами со значением неуверенности,

предположения. Значение неуверенности возникает тогда, когда говорящий не обладает достаточными знаниями о событиях или фактах, или понимает, что его информация может оказаться недостоверной. Зачастую это происходит тогда, когда мы имеем дело с фабулатом, то есть рассказом, который говорящий услышал от третьего лица: *Горело Денисово, ни с того ни с сего загорело. <...> И вот она, это само, походила с иконкой вокруг своего дома, и не это само: здесь сгорел, здесь сгорело всё, там за этим, за домом и через дорогу, улица же была такая вот, всё сгорело – её дом уцелел. Видно, чё-то знала она* (Мт.: Рыбное, 2016); *Она лечила. Она, не знаю, может быть, она и... Она и худое знала, но она в основном лечила детей. Вот. Лечила от всяких этих запугов, испугов* (Мт.: Рыбное, 2016);

в) вводно-модальными словами со значением очевидности. Эти слова передают очевидность того, о чем говорится в высказывании, ясность данного факта для всех: *...кому-то что-то надо было. Так она мне говорит: «Вас доставали и по телефону, и в сумку пихали, и под порог дома совали». И я, действительно, потом находила под ковриком и пряжу, и шерсть, и иголки, всё было понатыкано* (Бг.: Богучаны, 2017); *...эта, которая у нас телёнка сглазила, если мы её встретили – лучше вернуться домой. Ни на рыбалку, ни за ягодой, ни за чем! Лучшие вернуться домой. [А она знала, что обладает такой силой? – Собир.] – Ну, кто знает, может быть и знала. Ну, это же вот, действительно, какой-то глаз не добрый* (Бг.: Богучаны, 2017).

Средствами экспликации субъективной модальности текста на морфологическом и лексическом уровнях являются:

а) личные местоимения: *Вот баба Дуня была, она знаткая была, но она была очень добрая. Она с моим сыном водилась, и в то время была молодая, думаю: почему я у неё ничему не научилась, вот даже не научилась, прям вот так я щас жалею!* (Бг.: Пинчуга, 2017);

б) вводно-модальные слова со значением уверенности: *Вот это батюшка-колдун. Ну, потом, конечно, прихожане всякие есть, написали в эту епархию. Он недолго, его месяца два только – и фить!* (Мт.: Мотыгино,

2016); вводно-модальные слова со значением неуверенности, предположения: *И вот она, это само, походила с иконкой вокруг своего дома, и не это само: здесь сгорел, здесь сгорело всё, там за этим, за домом и через дорогу, улица же была такая вот, всё сгорело – её дом уцелел. Видно, чё-то знала она* (Мт.: Рыбное, 2016); вводно-модальные слова, которые передают очевидность того, о чём говорится в высказывании: *И вот она сделала мне пояс на маке, оберег вот такой. На наговор. И всё как-то убрала, ушло вот это всё. Ну, кому-то что-то надо было. Так она мне говорит: «Вас доставали и по телефону, и в сумку пихали, и под порог дома совали». И я, действительно, потом находила под ковриком и пряжу, и шерсть, и иголки, всё было понатыкано* (Бг.: Богучаны, 2017);

в) модальные частицы: *Она лечила. Она, не знаю, может быть она и худое знала, но она в основном лечила детей. Вот. Лечила от всяких этих запугов, испугов* (Мт.: Рыбное, 2016); *Он ставил хомуты, если кому не удобны. Хомут – это нехорошее такое. Из конского волоса плетут такой, ставят на дороге. Если пройдешь мимо, может здоровый человек сразу упасть и умереть. Ну, это вроде как... кто его знает. Вот так было* (Мт.: Рыбное, 2016) и т.д.

На синтаксическом уровне субъективная модальность выражается посредством инверсии, вставных предложений и повторов: *...заболела Алина, заболела, и вот скорую вызываю, врачи приезжают. У неё температура высокая, она вся красная. И ничё понять не могут, ничё определить не могут. Я вообще в расстроенных чувствах. И вот Галка мне говорит (А у нас жила на молоканке Истомина тётка Клава, и она лечила людей. У неё много лечились, тоже ездили). И вот, значит, она говорит: «Слушай, я ей щас Колю повезу туда на лечение, мы договорились, – говорит, – поехали с нами на машине. Бери Алинку, поехали». Ну, мы приехали, (а у нас Геофизики, поселок, и эти геологи все к ней лечиться ездили). У ней такие очереди были на лечение, просто я даже щас не представляю* (Бг.: Богучаны, 2017).

На текстовом уровне субъективная модальность манифестируется оценочными прилагательными и наречиями, эмоциональными междометиями, экспрессивными синтаксическими конструкциями: ...у людей какое-то недоумение получается, что, ну, как это, врачи не могут, а вот именно какая-то бабушка, она может это сделать, ну **вот так вот**. Ну было очень много *знатких*, говорят, они были так раньше. **Ой, знаткие, ой кака знатка́-то! Вот так вот**, по деревне-то, знаете, как. Вон тётъ Аня Говрушенко, но ей тоже уже, наверно, под восемьдесят. **Вот она очень хорошо правит голову. Вот если сотрясение или ещё что-то, и вот правит голову. Она вот за три сеанса выправляет голову, что потом вообще ни голова не болит, ничего! Вот.** Ну она уже... тоже так уже редко берётся, что ну, уже, ну, старенькая, уже редко очень берется, но живая ещё (Бг.: Богучаны, 2017).

Анализ средств экспликации субъективной модальности на текстовом уровне позволяет определить тип общей тональности текста, а также охарактеризовать мировидение и ценностные установки рассказчика как носителя традиционной крестьянской культуры.

Существуют различные классификации коммуникативной тональности текста, исследователи выделяют: светлую и темную, веселую и печальную, мажорную и минорную и др. В данной работе нами выделяются тексты, отмеченные позитивной, нейтральной или негативной тональностью.

Тексты с позитивной тональностью маркируются словами с положительной коннотацией и ласкательной и уважительной эмоционально-экспрессивной окрашенностью: – **Вот. Что было очень много бабушек и старички, которые вот** лекари, лечат. **О-о...** у нас очень много было. У нас дедушка был старинный-престаринный. Он, вот, лечил, вот, припадки, вот, кода бьют, как «своя» она называется или как-то. Он вылечивал. **Никто не вылечивал. Он вылечивал.** [А как? – Собир1.] – А вот как вот... у него свой был вот это вот. И к нему отовсюду ехали, кто вот такими заболеваниями страдал. И очень было много вот это вот. **Много очень.** А

щас вот уже и нету никого. Щас вот даже вот, года два назад ещё были, у нас в Богучанах ещё две бабушки. Все уже прошлый год умерли. И щас вот молодёжь такими не это. Вот как вот, экстрасенсы вот эти все вот, это ой... а там вообще. Такие бабушки! (Бг.: Богучаны, 2017).

Тексты с нейтральной тональностью отличаются доминированием общеупотребительной лексики: – *[Говорят, здесь жила женщина, которая умела уводить саранчу. – Собир.] – А, это была Анна Аввакумовна. Вот саранча поела весь хлеб. Её увезут туда, и она кругом поле обойдет и всю саранчу уводила. – [Куда? – Собир.] – Прямо. – [За собой что ли? – Собир.] – Да, она потом... она потом уходила эта саранча, она с поля уйдёт, её нету. Нету этой саранча, она уводила её* (Бг.: Иркинеево, 2017).

Тексты с негативной тональностью характеризуются наличием слов с отрицательной коннотацией, а также частотностью инвективной лексики: *Это был семьдесят седьмой год. Если ей уже было за восемьдесят, то есть она какого-то тысячу восемьсот девяносто какого-то года рождения была тётка. То есть древняя бабка, то есть... Если семьдесят седьмой, ей восемьдесят с лишним вот получается хвост. То есть она это такая шустренькая. Но и я, как поняла, что она хорошо пак... в своё время пакостила* (Мт: Мотыгино, 2016); *Ну или у нас вот на улице жила эта, Пулиха. Пропади она пропадом, и в земле пусть она перевернётся там, зараза такая. Вот стоит ей дорогу перейти – бесполезно. Лучшие не идти, лучше вернись домой* (Бг.: Богучаны, 2017).

Итак, в ходе исследования коммуникативной тональности выявлены различные типы текстов: позитивные, нейтральные и негативные.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Анализ устных рассказов о «знатких людях» в коммуникативном аспекте базируется на постулатах коммуникативно-дискурсивной парадигмы современной лингвистики. В основе лежит учение о диалектной коммуникации и диалектном дискурсе, который включает такие базовые единицы как дискурсивное событие, дискурсивный акт, речевой жанр, речевая ситуация, коммуниканты, коммуникативные тактики и стратегии устной речи.

В ходе исследования устных рассказах о «знатких людях» выявлены аргументативная стратегия, нарративная стратегия, экспозиторная стратегия.

Важной коммуникативной характеристикой устных текстов о «знатких людях» является их коммуникативная тональность, то есть субъективная модальность на текстовом уровне. Сопоставительный анализ рассказов о «знатких людях» показал, что они подразделяются на несколько типов: позитивные, нейтральные и негативные тексты. Критерием их выделения являются маркирующие языковые единицы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В выпускной квалификационной работе произведен подробный анализ устных рассказов о «знатких людях» как макроединицы региональной лингвокультуры. В ходе анализа отмечено, что язык является одной из наиболее продуктивных систем отражения представлений языкового коллектива об устройстве, элементах и процессах окружающей действительности, о духовной и материальной культуре этноса.

Совокупностью представлений об окружающем мире, облаченной в языковую форму, является языковая картина мира. Язык выступает в качестве зеркала национальной культуры, её хранителя: языковые единицы фиксируют содержание, которое восходит к условиям жизни народа-носителя языка. Русские народные говоры отражают и формируют региональную картину мира русского сибирского субэтноса.

Существует онтологическая связь между языком и культурой, которая проявляется в феномене лингвокультуры. Установлено, что лингвокультура – это ментально-коммуникативный феномен, т.к. она представлена в текстах разных жанров, в том числе и фольклорных. Основной единицей лингвокультуры является лингвокультурный концепт, содержание которого связано с духовной и/или материальной культурой.

Наиболее полно сознание и деятельность народа отражены в устном народном творчестве, которое является неотъемлемой частью русской культуры. Фольклорный мир представлен в языке в виде языковой фольклорной картины мира, т.е. общежанровой картины, которая строится на эстетическом отражении народных знаний, представлений, оценок о мире, об ориентации человека в нём.

В основе языковых единиц, отражающих главные представления человека в мифологической культуре (а позднее и в фольклоре), лежат мифологемы (наименования типичных мифологических и фольклорных

персонажей или ситуаций) и имена архетипов, которые являются базовыми в любом национальном языке.

Сопоставительный анализ таких феноменов как языковая картина мира и фольклорная картина мира показал, что они отличаются тем, что последняя характеризуется стабильностью и устойчивостью, отражает архаичные формы сознания. Объединяют же их доминирующие когнитивная, мировоззренческая и аксиологическая функции.

Аналитический обзор работ, посвященных устным рассказам о «знатках людях» (в фольклористике они рассматриваются как былички), показал, что с лингвистической точки зрения они исследованы недостаточно. С позиций коммуникативно-когнитивной и коммуникативно-прагматической макропарадигм они прежде глубоко не анализировались, что определяет новизну проведенного исследования.

Анализ эмпирического материала позволил выявить характерные жанровые признаки устных рассказов о «знатках людях»: в центре рассказа находится человек со сверхъестественными способностями, существует объект экстрасенсорного воздействия, экстрасенсорные действия человека оцениваются с позиции добро/зло, рассказ событиен, сюжет завершен, присутствует слушатель, доминирует функция выражения древних форм мировосприятия.

В рассказах о «знатках людях» эксплицируются такие разновидности лингвокультурных концептов как концепты-мифологемы, которые в вербальной форме представлены в национальной памяти носителей языка и в исследовательских работах именуется мифологическими концептами, мифоконцептами, мифологемами. Выделены следующие признаки мифологических концептов: 1) наличие структуры, тождественной структуре лингвокогнитивных концептов; 2) отражение характеристик тех объектов и явлений, у которых, как правило, отсутствует референт в реальной действительности (за исключением знахарей и т.п.); 3) наличие хорошо развитого аксиологического компонента.

Анализ устных рассказов о людях, обладающих сверхъестественными способностями, позволил сделать вывод о том, что родовым наименованием, обозначающим таких людей, является словосочетание «знаткие люди», а также его субстантиват «знаткóй» или «знáткий», мотивированных глаголом «знать». Словосочетание «знаткой человек» (мн. ч. «знаткие люди») широко используется в русских сибирских и уральских говорах в значении «знающий ремесло знахаря, колдуна, занимающийся ремеслом знахаря, колдуна». Это наименование является родовым по отношению к видовым наименованиям, которые, в свою очередь, делятся на две лексико-семантические группы.

К первой лексико-семантической группе с семантическим ядром «тот, кто помогает», относятся номинации людей, которые используют свои способности для того, чтобы помочь, излечить (знахарь, знахарка, бабка-рудомётка, бабка-самородка, бабка-повитуха и др.). При описании людей, номинации которых относятся к данной лексико-семантической группе, на первый план выдвигается их связь с церковными обычаями: чтение молитв во время обряда, крестное знамение перед совершением ритуала, их доброта, готовность прийти на помощь, часто бескорыстно. Акцентируется информация о том, что эти люди не просят материального вознаграждения, но традицией предписывается чем-либо оплатить их услуги (едой, деньгами, одеждой и т.п.).

Ко второй группе, семантическое ядро которой «тот, кто вредит», относятся номинации людей сведущих в тёмной магии, занимающихся не только лечением, но и вредительством (ведьма / волхитка / колдовка, колдун). Людям, номинации которых относятся к этой лексико-семантической группе, приписывают связь с нечистой силой, желание навредить (забрать счастье, попортить скот), часто рассказывают об их зловредном характере.

Установлено, что словосочетание «знаткие люди» является именем макроконцепта, то есть целостного образования, включающего себя несколько субконцептов. В исследовании подробно рассмотрены структура и

языковые средства репрезентации субконцептов «ведьма» (диалектный синоним «волхитка») и «знахарка».

Для структуры анализируемого концепта характерно наличие понятийного, образно-перцептивного и аксиологического слоев. Основными концептуальными признаками субконцепта «ведьма / волхитка» являются следующие: реальный человек, знакомый рассказчику, который обладает особыми тайными знаниями; реальный человек, знакомый рассказчику, который совершает тайные ритуалы для нанесения вреда кому-либо; человек, который, по слухам, обладает сверхъестественной способностью превращаться в животное. В рассказах имеются сведения о том, что этим ремеслом могут заниматься люди обоих полов, однако преимущественно женщины. Народное сознание связывает ведьм и колдунов с дьявольской силой, их ремесло считают греховным и наказуемым Богом. Действия ведьм и колдунов описываются с помощью оценочной, экспрессивной лексики, реализующей субъективно-модальные значения и передающей эмоционально-экспрессивные реакции рассказчика на событие или встречу с ними (ужасный, пакостить, портить и др.).

Среди основных концептуальных признаков субконцепта «знахарка / знахарь» назовем следующие: пожилая женщина, которая обладает, по мнению рассказчика, способностями белого мага; пожилая женщина, знакомая рассказчику, которая лечит заговорами и ритуалами; женщина, которая, по мнению окружающих, обладает сверхъестественной способностью воздействовать на природу, животных. Образно-перцептивный образ знахарки создаётся как правило при помощи описания благожелательного выражения её лица, хрупкой фигуры. Действия знахарей описываются с помощью оценочной, экспрессивной лексики, реализующей субъективно-модальные значения и передающей эмоционально-экспрессивные реакции рассказчика на событие или встречу с ними. В противовес ведьмам, сибирским знахаркам приписываются положительные качества.

Анализ коммуникативных особенностей рассказов о «знатких людях» базируется на представлениях о диалектной коммуникации и диалектном дискурсе. Для диалектной коммуникации характерны такие черты как: спонтанность, неподготовленность, непринужденность и диалогичность общения; специфика этикетных представлений и форм поведения (обращения типа «родна», «моя» к незнакомым или малознакомым людям; наличие эмоционально-экспрессивных наименований детей («челядишки», «печёнки бабины» и т.п.); четкое разграничений категорий «свои» и «чужие»; доминируют обиходно-бытовой и народнопоэтический функциональные стили общения. На специфику устных рассказов о «знатких людях» оказывают влияние и черты рассказчиков, а также всех участников диалектного дискурса: преимущественно чувственный, эмоциональный тип познания (в рассказах ярко представлен аксиологический слой концептов, даны оценки по шкале польза-вред, хорошо-плохо); наглядно-образное представление окружающего мира, связанное в то же время с конкретной практической деятельностью (при анализе концепта установлено, что образный слой эксплицируется преимущественно перцептивными средствами языка); культурная ориентация на древние мифологические знания и представления.

В устных рассказах о «знатких людях» реализуются различные коммуникативные цели, стратегии и тактики. В рассмотренных текстах доминируют информативная и аксиологическая коммуникативные цели; рассказчики придерживаются различных коммуникативных стратегий для их достижения: нарративной, аргументативной и аксиологической. Типичной тактикой реализации нарративной стратегии является имагинативная, суть которой заключается в детальном описании магического ритуала, который совершает «знаткой человек». Еще одной тактикой реализации нарративной стратегии является экспозиторная, то есть тактика пояснения рассказчиком «от себя». Тактическими приемами реализации аргументативной стратегии

являются апелляция к конкретным фактам (эмпирическая аргументация), личности слушателя, его интуиции и вере (контекстуальная аргументация).

Особое внимание в работе уделено коммуникативной тональности рассказов, под которой понимается субъективная модальность на текстовом уровне. В устных рассказах о «знатких людях» выражается национально и исторически обусловленная ментальность, ценностная картина мира сибиряков-ангарцев, доминантами которой являются аксиологические концепты ДОБРО/ПОЛЬЗА и ЗЛО/ВРЕД. Позиция рассказчика по отношению к добрым и злым «знатким» накладывает отпечаток на выбор языковых средств: для выражения положительного или отрицательного отношения, говорящего к «знатким» используются словообразовательные, лексические, синтаксические и стилистические средства языка. Категории модусов сомнения и достоверности информации о знатких людях эксплицируют частицы и вводные слова. Субъективная модальность является яркой особенностью диалектного дискурса, свидетельствует о ментальных особенностях носителей сибирских говоров и региолектов. В ходе исследования коммуникативной тональности выявлены три типа текстов: позитивные, нейтральные и негативные.

Тексты устных рассказов о «знатких людях» являются высоко информативными для решения многих лингвистических проблем: диалектной языковой личности, ценностной картины мира носителей традиционной старожильческой лингвокультуры, экспликации эмоций в текстах нарративного типа. Они значимы для решения актуальных вопросов лингвофольклористики, лингвистического жанроведения, лингвистической эмотиологии. Перспективны также привлечение дополнительного эмпирического материала для сопоставления рассказов о людях, обладающих сверхъестественными способностями, в разных этнических лингвокультурах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 446 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта, 2013. 288 с.
3. Артеменко Е.Б. Язык русского фольклора и традиционная народная культура // Славянская традиционная культура и современный мир. М.: ГРЦРФ. 2003. Вып. 5. С. 7–21.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры», 1998. 896 с.
5. Асиян С. С. Гендерные аспекты моделирования образа женщины в американских фольклорных текстах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ставрополь, 2011. 200 с.
6. Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Т.2. СПб.: Наука, 2007. 560 с.
7. Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Т.8. Иркутск, 2011. 536 с.
8. Белякова С. М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале лексики и фразеологии русских старожильческих говоров юга Тюменской области): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького, 2005. 354 с.
9. Бергельсон М. Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. М.: МГУ им. Ломоносова, 2005. 404 с.
10. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.
11. Блинова И. С. Концепт "старость" в русской и немецкой лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2009. 210 с.

12. Богданов К. А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 437 с.
13. Болдырев Н. Н., Куликов В. Г. О диалектном концепте в когнитивной системе языка // Известия РАН. Сер. Лит-ра и язык. 2006. Т. 65. № 3. С. 3–13.
14. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
15. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. 224 с.
16. Васильев В. К. Об архетипическом подходе к анализу женских образов-характеров (письменный и устный текст) // Сибирский филологический журнал. Новосибирск: Институт филологии СО РАН. 2018 (№3). С. 142–153.
17. Васильев Г. Е. Проблема ценностей в современной культуре // Вопросы культурологии. 2013. №10. С. 15–19.
18. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
19. Вершинина М. Г. Экспликация фоносферы в русской фоносемантической звуковой картине мира: на материале пермских говоров: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Пермь, 2013. 259 с.
20. Веселова И. С. Нарратология стереотипной достоверной прозы [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/emVj45> (дата обращения: 12.11.2018).
21. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: Избранные труды. М.: Наука, 1975. С. 53–97.

- 22.Вишнякова Н. М. Средства выражения бинарных пространственных соотношений персонажей в текстах демонологических рассказов о ведьмах // Синергия наук. Санкт-Петербург. 2017. №10. С. 1021–1026.
- 23.Волошина С.В., Демешкина Т. А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник ТГУ. 2012. №3(19). С. 14–20.
- 24.Волошина С. В. Автобиографический рассказ как объект лингвистического исследования // Вестник ТГУ. 2008. № 308. С. 11–14.
- 25.Воркачёв С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Электронный ресурс]. 2001. URL: <https://goo.gl/gY2o2W> (дата обращения: 04.03.2018).
- 26.Воркачёв С. Г. Лингвокультурная концептология и её терминосистема (продолжение дискуссии) // Политическая лингвистика. 2014. №3. С. 12–20.
- 27.Воробьев В. В. Лингвокультурология: Теория и методы. М.: Издательство РУДН, 1997. 331 с.
- 28.Габбасова А. Р., Фаткуллина Ф. Г. Языковая картина мира: основные признаки, типология и функции // Современные проблемы науки и образования [Электронный ресурс]. 2013. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9954> (дата обращения: 19.05.2019).
- 29.Герд А. С. Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 488 с.
- 30.Голованов И. А. Проблема жанровой дифференциации несказочной прозы: коммуникативный аспект // Вестник Челябинского государственного университета. № 36. Челябинск, 2008. С. 26–33.
- 31.Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. в виде научн. доклада. Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 1997. 52 с.

32. Гольдин В. Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения ч. – кор. Р.И. Аванесова. 2002. [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/VHXNRq> (дата обращения: 13.11.2018).
33. Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 9. С. 3–7.
34. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2012. С. 396–405.
35. Гунина Л. А. Этноспецифические концепты как отражение национального характера // Известия Российского госуд. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. №97. С. 169–175.
36. Гынгазова Л. Г. Интерпретация мира языковой личностью диалектоносителя и ее реинтерпретация исследователем // Вестник ТГУ. № 295. 2007. С. 15–20.
37. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания: Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 184 с.
38. Демешкина Т. А. Модусные категории в диалектном дискурсе: Учебно-методическое пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 60 с.
39. Дженкова Е. А. Концепты «стыд» и «вина» в русской и немецкой лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2005. 237 с.
40. Елизарова Г. С. Фольклорная картина мира как часть национальной картины мира // Филология, языкознание, дидактика: теория и методика исследований. Екатеринбург: Издательство РГППУ. 2010. С. 51–58.
41. Жигачева Е. С. Концепт "Байкал" в региональной лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Улан-Удэ, 2015. 274 с.

- 42.Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.
- 43.Зверев В. А., Шишкова Е. К. «Знаткие» люди. Рассказы о колдунах и знахарях в современной русской деревне на Чулыме // Материалы международной научной конференции / под ред. Щегловой Т. К., Октябрьской И. В. М.: Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2008. С. 207–212.
- 44.Иванцова Е. В. Вариативность текста как проявление речевой культуры диалектной личности // Вестник Томского гос. ун-та. 2013. № 376. С. 14–19.
- 45.Ионова С. В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 1998. 14 с.
- 46.Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. 284 с.
- 47.Исяндавлетова Г. Н. Этимология слов «знать» и «ведать» в исторической лексикологии // *Lingua mobilis* [Электронный ресурс]. 2009. №3 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etimologiya-slov-znat-i-vedat-v-istoricheskoy-leksikologii> (дата обращения: 02.05.2019).
- 48.Калинина С. В. Персонажи освоенного пространства в традиционной мифологической прозе восточнославянского населения Красноярского края: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2005. 273 с.
- 49.Калиткина Г. В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 296 с.
- 50.Калюжная И. А. Концепт «детство» в немецкой и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2007 229 с.

51. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2001. С. 3–16.
52. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
53. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 75–80.
54. Кибрик А. А. Языковая картина мира // Энциклопедия Кругосвет [Электронный источник]. 2002. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVA_YA_KARTINA_MIRA.html (дата обращения: 02.06.2019).
55. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. М.: Вече, АСТ, 2003. 511 с.
56. Косычева М. А. Концепт "CHILD" и средства его реализации в английской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара, 2013. 179 с.
57. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
58. Красных В. В. Единицы языка vs. единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов) // Вопросы психолингвистики [Электронный ресурс]. 2008. №7. URL: <https://clck.ru/GswaG> (дата обращения: 03.06.2019).
59. Красных В. В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник Центра международного образования М. гос. ун-та. Серия: Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012. № 3. С. 67–74.

- 60.Красных В. В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 133–141.
- 61.Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации: культурно-универсальные и культурно-специфичные особенности невербального коммуникативного поведения // Мат-лы Третьей международной конференции «Гендер: Язык, культура, коммуникация». М.: МГЛУ. 2003. С. 67–68.
- 62.Крючкова О. Ю., Крысин Л. П. Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина. М.: Амирит, 2015. 343 с.
- 63.Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141–172.
- 64.Кузьмина Е. Н. Несказочная проза народов Сибири: опыт подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» // Актуальные проблемы сибирской фольклористики / Мат-лы Всерос. науч. конф. 4–7 ноября 2008 г. Новосибирск. 2008. С. 57–71.
- 65.Кутковая Е. С., Мельникова О. Т. Соотношение нарративного и дискурсивного подходов к исследованию социальной идентичности // От истоков к современности: сб. мат-лов юбилейной конференции: в 5 томах. / под ред. Богоявленской Д. Б. М.: Издательство «Когито-Центр», 2015. С. 86–88.
- 66.Леонтович О. А. Системно-динамическая модель межкультурной коммуникации между русскими и американцами: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2002. 502 с.
- 67.Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
- 68.Макарова О. В. Лингвометодические основы исследования архитектурно-домоустроительного кода русской лингвокультуры в

- целях преподавания русского языка как иностранного: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Москва, 2010. 193 с.
69. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
70. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, 2007. 296 с.
71. Матвеева Т. В. Тональность текста // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 692–694.
72. Медведева Г. В. Колдун, знахарь в русских мифологических рассказах, представлениях Восточной Сибири (структура и содержание образов, ареалы и семантика именованний): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.09. Улан-Удэ, 1997. 27 с.
73. Москальчук Г. Г. Инициальные и финальные формулы в диалектном тексте // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. 2015. № 3. С. 144–150.
74. Моспанова Н. Ю. Концептуальная оппозиция добро – зло в фольклорной языковой картине мира. Дисс. канд. филол. наук: 10.02.01. Брянск, 2005. 205 с.
75. Мызникова Я. В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского университета. 2014. №4(28). С. 66–72.
76. Новикова Д. К. Структурно-семантические особенности демонологической лексики в текстах романов фантастического жанра // Научный журнал КубГАУ [Электронный ресурс]. 2017. №125. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-semanticheskie-osobennosti-demonologicheskoy-leksiki-v-tekstah-romanov-fantasticheskogo-zhanra> (дата обращения: 03.05.2019).

- 77.Новосёлова Н. А., Калинина С. В. Мифологическая проза славянского населения Красноярского края: в 2 т. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2011. Т. I. 282 с.
- 78.Петрунина С. П. Грамматика говорящего и слушающего в сибирских говорах автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2008. 45 с.
- 79.Петрунина С. П. Славянская диалектная лексикография // Проблемы лексикографирования вводно-модальных слов в диалектных словарях Сибирского региона. М.: Наука. 2011. С. 82–83.
- 80.Плахова О. А. Мифоконцепт, мифологема, мифоним, мифолексема: к вопросу об унификации терминологического разнообразия // Карельский научный журнал. 2013. № 2. Петрозаводск: Некоммерческое партнерство «Институт направленного образования». С. 30–32.
- 81.Подзолкова Н. В. Концепт «одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2005. 24 с.
- 82.Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 200 с.
- 83.Руднев В. П. Словарь культуры XX века [Электронный ресурс]. 1997. URL: <https://clck.ru/GVVjA> (дата обращения: 19.05.2019).
- 84.Русинова И. И. Лексическая система мифологических рассказов Пермского края о людях со сверхъестественными свойствами // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. №1. С. 132–135.
- 85.Сенаторова О. А. Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка как иностранного в региональном вузе: на материале лингвокультуры Владимирского региона: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Москва, 2003. 301 с.
- 86.Смирнов Е. С. Репрезентация концепта «беглые» в ангарской лингвокультуре (на материале устных рассказов и интервью коренных

- жителей Северного Приангарья) // Мир науки, культуры, образования, №5 (72). Горно-Алтайск: АлтГПУ. С. 474–477.
87. Современная энциклопедия. 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/18726> (дата обращения: 06.05.2019).
88. Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса: монография. М.: Флинта, 2010. 134 с.
89. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
90. Суворова М. А. Лингвокультурологический подход в обучении иностранным языкам студентов старших курсов языкового вуза: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Улан-Удэ, 2000. 158 с.
91. Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Издательство «Индрик», 1995. 512 с.
92. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. I. Пер. с англ. / Под ред. В. А. Звегинцева. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 135–168.
93. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в четырех томах. Том 1 (А-Д) / Под ред. и с предисловием Б.А. Ларина. 2-е изд., стереотипное. М.: издательство «Прогресс», 1986. 672 с.
94. Федоров М. А. Термин «лингвокультура» в аспекте теории культуры // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2014. №6-2. С. 83–86.
95. Фельде О. В. Ангарский нарратив как объект лингвистического исследования // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2014. Вып. 10 (151). С. 189–193.
96. Фельде О. В. Устный текст как транслятор старожильческой лингвокультуры Северного Приангарья // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2019. 12 (1). С. 55–76.

97. Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П. Словарь русских народных говоров. Вып. 11. М.: Наука, 1976. 363 с.
98. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта, 2009. 184 с.
99. Чафонова А. Г. Обучение датских студентов русскому языку: лингвокультурологический подход: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Санкт-Петербург, 2017. 242 с.
100. Черванева В. А. Квантитативный аспект фольклорно-языковой картины мира: количественные характеристики концептов пространства и времени в их объективации вербальными средствами русской волшебной сказки: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2003. 349 с.
101. Чумаков-Жунь И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков. М.: Директ-Медиа, 2014. 302 с.
102. Шарипова В. А. Объективация в языке функционально-когнитивной сферы «речевая деятельность» (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань: КФУ, 2013. 26 с.
103. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 4-е изд., стереот. М.: Либроком, 2012. 208 с.
104. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3–16.
105. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира // Вопросы языкознания. 1994. №5. С. 73–89.

Устные рассказы жителей Северного Приангарья о «знатких людях»

1. Рассказы, записанные в Мотыгинском районе Красноярского края

Текст №1

Информант: Бронникова Анна Прокопьевна, родилась в 1932 году в с. Рыбное Удерецкого (с 1956 г. Мотыгинского) р-на.

Собиратели: Васильев В.К., студентка ИФиЯК СФУ Кайзер К.В.

– Она лечила. Она, не знаю, может быть она и... Она и худое знала, но она в основном лечила детей. Вот. Лечила от всяких этих запугов, испугов. Она сильная хорошая была бабушка. <...> Но, вот когда умирала, говорят, что умереть не могла, что сильно знаткие люди они умирают, мучаются перед смертью. Вот перед ней, перед её кроватью вырывали половицу вверху, чтоб у неё душа ушла. Вот так вот (Мт.: Рыбное, 2016).

Текст №2

Информант: Пономарева Анна Алексеевна, родилась в 1938 г. в п. Юшково, Викуловского р-на Тюменской обл., в н. вр. проживает в пгт. Мотыгино.

Собиратели: Васильев В.К., студенты ИФиЯК СФУ: Жиркова А., Романова М.

– Я единственное только знаю, что вот одно время к нам присылали молодого батюшку. Но он не долго задержался. Во-первых, он ходил тогда.... Терещенко только свой «Уют» открыл. Может год, а может два работал только в «Уюте» этом своем. Он ходил, ему приглянулся там ковёр. «Вот отдайте мне в храм этот ковер и всё. А то я иначе сделаю так, что у вас ничего не будет». Вот это батюшка-колдун. Ну, потом, конечно, прихожане всякие есть, написали в эту епархию. Он недолго, его месяца два только – и

фить! Вот, вот эти уже годы. Ну, где-то, наверное, в конце девяностых или в начале двухтысячных годов вот это было. Да, так он ходил, хвастался. В полицию придет. Там тоже вроде типа того, что мол: «А да знаете, я могу вам сделать так, что у вас вообще ничё, раскрываемости никакой не будет». Ну, люди-то всё равно же, чё? Какой ты батюшка тогда?! Ходишь тут, колдовством своим! (Мт.: Мотыгино, 2016).

Текст №3

Информант: Бронникова Анна Прокопьевна, родилась в 1932 году в с. Рыбное Удере́йского (с 1956 г. Мотыгинского) р-на.

Собиратели: студенты ИФиЯК Кайзер К.В., Морозова А. Д.

– Дед Тит. Я тоже рассказывала женщине-то вот, с девочкой. Он лечил людей. Раньше не было лекарей никаких. Ну, он был знатко́й. Если ему не понравится человек, он может и со свету сжить. Вот. Он ставил хомуты, если кому не угодны. Хомут – это нехорошее такое. Из конского волоса плетут такой, ставят на дороге. Если пройде́шь мимо, может здоровый человек сразу упасть и умереть. Ну, это вроде как... кто его знает. Вот так было. А дед Тит, он вот, говорит, собирается венчаться вот – раньше же на конях ездили, – вот и, если его не пригласили на свадьбу, из ворот конь не выйдет. Ворота́ открыты, а конь на дыбы становится и всё, пока старика не позовут. Он чё-то пошепчет, всё – конь пошел. Вот, сказку вам рассказала. Чё ещё вам рассказать? (Мт.: Рыбное, 2016).

Текст №4

Информант: Бронникова Анна Прокопьевна, родилась в 1932 году в с. Рыбное Удере́йского (с 1956 г. Мотыгинского) р-на.

Собиратели: Фельде О.В., Васильев В.К.

[– Вы вчера рассказывали, что была у вас в деревне женщина, она брала кору с дерева, в которое ударяла молния, и подкладывала ее председателю. – Собир.]

– А, да-да.

<...>

[– Что, он плохой человек был? – Собир.]

– Да, он умер вскоре...

[– Да что вы! Расскажите, может еще какие-то случаи знаете? Наверное, что-то говорят на эту кору? – Собир.]

– Конечно, заговоры есть. Неспроста ж тут пришли, помогли, нет. Читают молитвы такие заговорные...

[– Эти молитвы, конечно, не все знают. – Собир.]

– Не-ет, нет, моя. Вот эти знахарь-то и знали. Три сестры, они высохли, не здоровей вас были, высохли с руку мою, наверно. Всё их мучило. Мучило их, грех мучал, ревели день и ночь, мучились. Господь их карал. Они с черт'ям были связаны. Они не рады потом. Надо было кому-то передать, а кто такую возьмет на себя? Они не могли эту с себя снять, с черт'ям связаны, все, все мучали. День и ночь в ходу были. Я говорю вам, ночью пришли, в четыре в контору приходила. И не спится ей – ей надо бежать, кому-то чё-то отдать, спустить. Вот она собирала кору, теперь птичку мертвую. Бантиком делала, такой в коробочку, как похоронила будто того человека, которому делать. И вот она меня научила, научила: «Вот эту пакость положи, под девято бревно, а хозяйке пусть под девято ребро. Когда вот это положи, Аня...» – «Ой нет, – говорю, – Люба, я не буду рукой браться, не-не-не, детна мать... ты чё у меня дети!». – «На них не подействует и на тебя нет. Ну, так это ж нельзя моей рукой ложить!» – «Не-не-не. Ты меня не учи. Делай чё хошь в этой конторе. Не седня-завтра я могу уйти, так сама уйти хочу, за триста рублей чё тут работать». Секретарем работы мало было. Теперь, значит, это она потом мне говорит: «Ну, ладна, ты никому не говори». – «Ой, – говорю, – меня убей,

никому не скажу это». Храни Бог, тут бы одному скажи – щас же молния в деревне, всё пошло. Всяки штуки она делала.

[– И вот она подложила кору, и что потом стало? – Собир.]

– Хозяин умер вскоре. Она на него сердита была. Её внучка работала у нас в конторе бухгалтером расчетной группы, на расчётке. Её никто коллектив не любил. А не любили за что? У них весь род лёгошник был. И она сидит вот «кхы-кхы». Эта Людмила знала всё вот это, и... то есть эта, как её... Таисия Ивановна знала, работали. Она, значит, взяла кружку и... У нас стоял графин, попить воды. И бухгалтерша говорит: «Люся, не пей из общего стакана, принесите каждый свою кружечку (а столы были письменные же) и держите в столике. Захотели пить – наливайте из графина». Она сразу доуныла. Этой тетке своей Любе, колдунке-то сказала. И она весь коллектив убрала, за неделю-то!

[– Как? – Собир.]

– Директор... Сразу сделали ревизию, убрали. Бухгалтершу раскопали: у нас электростанцию строили, городска бригада, из плит, и она их навернула на девять тысяч. Эти деньги ишшо. На девять тысяч. И хотели её судить, а директор наш был связан с прокурором Дятловым, Мотыгиной, с районной. Друзья. Тот отстоял её. Это вот, моя соседка сейчас, шесят семь лет. – [Да вы что... Это она подклад сделала? – Собир.]

– Подклад этот... Разгонял всю эту. И бухгалтера убрали, и директора убрали, и Люся эта сама ушла. А этого всё осталась я да секретарша.

[– За неделю? А что и куда она подкладывала? – Собир.]

– Она каждому под стул... Стулья вот такие венские... Повернула, нашла, куда там заткнуть чё, я не глядела.

[– Даже не знаете, что? – Собир.]

– Не касалась даже, ага. Я говорю: «Люба...». «Ты не садись ни на какой стул», – она мне предупредила. Я всегда подойду к окошку, обопрюсь так об окошко, если чё-нить, отдыхаю. Постою и всё, не садилась. А потом принесла свою тубаретку. И больше с тех пор не была. Она уже сделала своё!

Потом она говорит... А дом был двухэтажный, у нас было двенадцать двухэтажных домов в Рыбной. Теперь, значит, она... Контора была в двухэтажной. Она говорит: «Таня, а где тут окошки?». – «Ой, Люба, я ниче не знаю». Окошки у пополья, у пополья. Потому окно тут сеточкой налажено, чтоб ни крыса, никто, ничё... гвоздям прибито. <...> Говорю: «Тебе зачем?». Она говорит: «А я чёртово яйцо запихаю туда».

[– Как это? – Собир.]

– Как... «Я, – говорит, – тебе дам, ты, – говорит, – брось в окошко, в пополье, чтоб...». Ну, окошко-то вот в пополье у меня сквозно, там и тут. Там в стене – в улицу, и там в стене – в улицу. И она мне говорит. Я: «Не, Люба, я этим заниматься не буду. В руки даже не возьму, нет-нет, ты чё... Ты чё, ты вишь такая простофиля, простая и ты ко мне направилась сюда, иди куда-нибудь в Морозово, в нефтебазовскую контору, иди вон в сельсовет. А ты чё в сюда-то?» – «Да ты всех раньше приходишь. Там отопляться током, электричеством. У тебя дрова, и ты приходишь рано топить!». Теперь, значит, она это яйцо чёртово запихала все-таки, запихала, бумажечку туда бросила. Так знаете чё в конторе: как тока вечер, начнется всякий звон, колокольчик, рёв, плач, вой, то, как в трубу дует. Вот такое... Да.

[– А что такое... А вот что было чёртово яйцо? – Собир.]

– Она наговорила наговор. Чёртово яйцо. Она мне потом яйцо показала вот так вот, на бумажке. Это птички... гнездо разорила где-то. И вот эти яйца разносила. Сильные колдуны были, вымерли. У нас щас нету их, нету. Оно и есть... Когда умерла тут ещё одна, а у ней осталась книга, чёрная называтца. Така книга чёрная. А щас говорит: «Нет-нет-нет. У меня её нету уже. Я не знаю, куда она делась, ничё не знаю!». Её боятся все задеть. Таня, Таня зовут... Боятся её задеть. Она у ней! Она у ней, она ей защищат свою жизнь. Дитям, себе. Она у ней, эта книга. И кто её, я не знаю, когда её похоронили, тётю Шуру, куда она дела – не знаю (Мт.: Рыбное, 2016).

Текст №5

Информант: Кондратьева Галина Георгиевна, родилась в 1959 г. в п. Бильтерский Аскизского р-на респ. Хакасия, в н. вр. проживает в пгт Мотыгино.

Собиратель: Васильев В.К., Кайзер К. В.

– Ей надо было передать. Я говорю: «Я должна подумать». И всё. Потом она через дня два: «Ну, что ты?» Я говорю: «Я просто так в гневе могу такого наговорить, что потом это на самом деле происходит. А если я в гневе сделаю, да еще буду знать, вы знаете, что мне будет? Моим что будет доставаться?» Поэтому я отказалась от всего. Поэтому...

Как вот мне рассказывали, что они же умирают очень тяжело, если они не передали, вот эти, они, получается, ведьмы, что надо было. Как же, это называлось то... В общем, в потолке где-то проделывать дыру, чтоб они могли вылететь.

Я первый раз вот про себя обратила внимание. У нас поднималась машина в гору, я говорю: «Машина сейчас перевернется, встанет в дыбы». Я заканчиваю фразу – машина встает в дыбы на горке. Мне говорят: «Чё ты не сказала-то раньше, что это произойдет?». Я говорю: «Да это просто чисто арифметически, по математике». То есть машина... гора у нас крутая, всё – всё. Я больше на это не обращала внимания. А потом училась в институте, девчонка, ну, одноклассница моя, одноклассница – раз как заплачет! (неразб.) Говорю: «Чё ревёшь?». «Я вот тебе это сказала, это». А я говорю: «Ну, я тебе сказала, чтоб ты это получала». Что она мне сказала, я ей сказала. Она тут же, не отходя от кассы, получает то, что она мне пожелала. И вот, получается, этот разговор произошел при этой бабке, которой за восемьдесят лет было. И вот тут она на меня начала наседавать. Ну, и я быстро поняла, что иногда болтать нельзя, что всё это да, реально, материально всё это происходит.

А ей не надо... А ей наплевать было. Искать идёт другого человека. Ну, вообще, как бы стараются передавать своим родственникам, да. Но тут получилось, видать, родственников то... А у неё родственники, у неё, как я поняла, сыновья. Но, тем не менее, она невесткам не передала, то есть процесс это очень был длительный и долгий. Вот. Ну, я думаю, она, когда я ей отказала, я думаю, она была очень зла. Потому что, ну, ей уже было глубоко за восемьдесят. Только одно я говорю, она ходила в церковь, то есть вот она, видать, что-то где-то она ходила, замаливала грехи. Это же дело-то такое... Ну, я думаю, потому что она... Это был семьдесят седьмой год. Если ей уже было за восемьдесят, то есть она какого-то тысячу восемьсот девяносто какого-то года рождения была тётка. То есть древняя бабка, то есть. Если семьдесят седьмой, ей восемьдесят с лишним вот получается хвост. То есть она это такая шустренькая. Но и я, как поняла, что она хорошо пак... в свое время пакостила, раз она конкретно: «Хочешь, – говорит, – хоть на скотине, хоть на собаке. Ну, уж кто сильно допекёт – и на человеке сделаешь. Ну, в общем, кто те сделал больно – ты можешь отыграться на полную катушку».

Ну, вот я, как говорится, я ничё не знала, я ничё не умела. Я просто вижу человека, и появляется ячмень – я его заделываю просто-напросто. Ну, это же тоже... У другого... У подружки, ну, вот, подружкина дочка: «Ой, да мне мама столько раз это все делала, делала...». Я говорю: «Да иди ты ко мне!». Я сделала, у неё больше не было. Пришли ко мне потом в налоговую, когда работала, девчонки. Это я кому-то заделала ячмень. Отправляют ко мне. Приходит кто-то, не помню, но у неё уже такой глазище. Я ей говорю: «Ты чё так рано пришла?». Ну, вот не это самое. Ну, в общем, я ей сделала. У неё такая свечка вылезла. В больницу пошли. Я говорю: «С такими вещами надо или быстренько, рано приходить и делать. Только начинается, сразу надо заделать. Могу вас научить. Мизинец и второй мизинец, вот где ячмень, и вот обязательно, чтоб был сучок. То есть надо на сучок. То есть и по часовой стрелочке... Всё – никакого ячменя! Я ничё не говорю, я просто делаю».

<...> Пакостить я могу так хорошо, если меня разозлят. У меня соседка, она мне кровь пила-пила, пила-пила. Очень долго это... Я ей сказала, говорю: «Ты подыхать будешь, ты будешь просить, чтоб я тебя простила». Она это долго жила, и, эм, заболела сильно. Ей отрезали одну ногу, вторую ногу. Она в спальне... не в спальне. Сначала в спальне была. Напьётся. Ну, она пьяная напьётся и орёт: «А-а, какая ты сякая...». Ну, в общем... Но довела меня, видать, до такого состояния, что я ей это, высказала. И это было сказано в таком состоянии, что это всё произошло. И вот настал тот день, когда слышу, она в зале уже, её туда убрали, она стукнула и перестала. И я ей сказала, говорю: «Я тебя прощаю». Наутро мне звонят: «Ты знаешь, что у тебя соседка умерла?». Моя дочь как давай плакать, смотрит на меня. Она поняла, что то, что я сказала, всё она получила. И после того, как я её простила, она умерла тут же... Тут же. Поэтому со мной все стараются не связываться. Потому что, ну, в гневе я бываю очень опасна. Дурная мысль если лезет в голову, я начинаю Господу молить, чтобы даже близко до его ушей даже не доходило, чтоб это пролетело, чтоб этого больше... даже... что я подумала дурь, чтоб этого больше не произошло. Потому что, я говорю, материально. А, всё, делать я ничё не умею, но пожелать могу... доброго, хорошего иногда.

У нас вот как. У моей мамы, она была ей сестра двоюродная. Вот у них дедушка! Он вот мне, как говорили, лечили зубы, сводили бородавки. Вот у меня у самой, я даже теперь не знаю – прям, знаете, был каскад... Ну, это у меня в моем детстве. И вот я только единственное что помню, как они мне. Я говорю, ну, они раздражают-таки, все эти... И вот они меня между собой в один какой-то прекрасный день погоняли. Ну, между собой чё-то, туда-сюда футболили, футболили, футболили... Видать, это процесс или что-то. У меня не стало бородавок. И я даже не это самое, не сообразила, где и когда. То есть они сделали так, что я и не поняла, что они это делали со мной вот всё... как. Хотя, там говорят, что надо завязать, под эту положить куда-то что-то, под дверь вот это. Я этого даже не знаю, было это, не было ли? Я знаю, что

вот этот дедушка зубную боль на воду заговаривал. На какую? На ключевую или просто чистую? Потому что у нас там, чтоб до ключевой воды идти, до реки Абакан, очень далеко. А у нас эти, насосы такие-вот, старые у них у всех были. Кто его знает? Или на колодец воду... Представления не имею, как, чё ему делали?! Вот это, то есть они как бы мне, получается, десятая вода на киселе родственники.

Вот у нас здесь в Мотыгино женщина есть, только я её давно не видела, потому что я щас никуда не хожу. Вот она очень хорошо заговаривала. Очень хорошо. У моей у Тани маленькой, в садик ещё ходили, и это вот прям вот гнойное такое всё было это. Я её привела в садик, ну, ушла. А мне позвонили тут: «Галя, сказали, чтоб ты пришла». Я прихожу, она смотрит на меня и спросила: «Те сколько лет?». Я говорю: «Ну, вот столько». То есть, вообще, все знания передаются младшим, но не старшим. И она говорит: «Ты сама это сделаешь, сделаешь вот так-то, так-то». Я даже теперь не помню. Дала мне слова, которые я должна буду сделать. Я, по-моему, всего три раза своей дочери это заговорила. Она меня потом встречает: «Через сколько у тебя произошло?». Я говорю: «Три раза и всё». Она говорит: «Ты очень сильная». То есть, значит, я могу делать, но я не умею этого делать. Я эту бумажку держала-держала, ну, я её потом потеряла, потому что я ничего не применяю в своей жизни. То есть если бы я этим занималась, значит, я бы могла это все делать. То есть вот, что я один раз в жизни сделала, конкретно я делала, что я с наговором лечила своего ребенка, собственно.

Ну, так вот это меня перевели, в налоговой работала я, в юридических лицах. Начальник физических лиц добился, чтоб меня перевели туда. И главное, меня сегодня переводят, а завтра он уезжает в отпуск. Ну, я ему «нежно» пожелала, чтоб он хорошо отдохнул на море. Он пролежал всю, весь свой отпуск в больнице в инфекционном отделении. Приехал и говорит: «Ой, Галина, (неразб.) зачем так?». Я говорю: «Не надо было меня переводить, или сидел бы со мной работал, а потом едь в отпуск». Хохотали. Вот тут Ольга

Каштанова вспоминала, говорит: «Помнишь, как это?». Я говорю: «Ну что, бывает и на старуху проруха». Вот. Так что, людей не знаешь, где чё...

В институте учились эти, на блюдечках-то гадали. Толпа это была за столом – я, ну, еще двое. Нас было двое. И мы начали ругаться. Я ей говорю: «Ты зачем блюдечко двигаешь?». Та говорит: «Это ты двигаешь». Мы обе только вот по воздуху, у нас пальцы даже не касались, и блюдечко двигалось. То есть мы задавали вопросы, кто чё задал мы и блюдечку... И вот оно бегало. А когда всё, этот обряд мы закончили, они потом говорят: «Вы же ни одна не касались». Они то сидят и видят, что мы пальцами не касаемся, а у нас блюдечко бегало. Гадали....

Эт своих, говорю, я вот своих ребятишек всегда сглаживаю. Надивишься, налюбуеться, а потом пока дойдет до тебя, когда ты «уа-а-а-а», сам бы уже готов пришибить. Потом только дойдёт: о надо – раз, пошла умыла, сделала всё. Ну, я вот умывала просто вот этой стороной (показывает – тыльной). По мордашке по часовой стрелке и ночнушечкой – подолом, всё. Другого я не знаю, я даже предста... говорят, как-то чёт там с углом моют, я представления не имею. Я делала именно это, другого я не делала никогда в жизни. Может быть, моя бабушка этого делала, потому что я же... я не знаю, откуда это я знаю. Потому что вот это только я делала. По-другому я не умею (Мт.: Мотыгино, 2016).

Текст №6

Информант: Бронникова Анна Прокопьевна, родилась в 1932 году в с. Рыбное Удерейского (с 1956 г. Мотыгинского) р-на.

Собиратели: Васильев В.К. Студент ИФиЯК СФУ Кайзер К.В.

– Она, это самое, Денисовская. Я про неё не знаю ничё. В Денисово умерла. Но тоже была, говорят, знатка. Когда Денисово горело, вот уже, это уже, знаете, в каком году, наверное, в шисят шестом – шисят седьмом году, а может и пораньше. Не помню точно. Горело Денисово, ни с того ни с сего

загорело. У неё вот только один дом остался, потому что она с этой, с иконкой проходила. Видать, каку-то молитву читала, проходила, у неё дом остался. Вот вы будете проезжать и увидите этот дом в Денисово, он так вот и остался. Лёва-то там, вот это её сын, он там так и жил. Вот он только переехал года два назад. <...> И вот она, это само, походила с иконкой вокруг своего дома, и не это само: здесь сгорел, здесь сгорело всё, там за этим, за домом и через дорогу, улица же была такая вот, всё сгорело – её дом уцелел. Видно чё-то знала она (Мт.: Рыбное, 2016).

Текст №7

Информант: Рукоусева Ирина Александровна, родилась в 1963 г. в п. Муратово Большемуртинского р-на, в н. вр. проживает в пгт. Мотыгино.

Собиратели: студенты ИФиЯК СФУ Кайзер К. В., Морозова А. Д.

– Ну, делают соль – в кармашек положили. Просто в кармашке соль – для сглаза. Небольшую иголочку с той стороны где-нибудь тоже. Ну, особенно как бы детям стараются, что дети самые такие глазливые, самые маленькие, ещё не умеют выталкивать. И, как я уже вот говорила, уголёчки в водичку, размешал-размешал и водичку вот – в угол. И дверь нужно прикрыть. Вот это вот на самом деле помогает, потому что давным-давно я, как бы еще тоже, мне лет как бы двадцать – двадцать два было, в гости пришла, пришла как бы здоровая, всё. И потом чувствую, что мне начинает плохо: меня трясоти начинает, голова болит, болит, болит и всё. Домой прибежали, у меня соседка была, в деревне мы (неразб.) жили. Вот к соседке прибежала, потому что я совсем вот умираю и всё. Вот да, бабулька сделала тогда вот, ей уже лет семьдесят, наверное, было. Бабулька прибежала, в печку уголёчек достала березовый, водичку развела, меня умыла, пошла это побрызгала там, поплевала и водичку в угол слила. Я домой пошла, отлежалась там буквально, ну, час там – два, я щас уже не помню, и всё как бы прошло. Вот. И детей вот да. Ну, как Галина Георгиевна говорит, что маленьких детей

тоже да, вот помыл просто даже. Я вот не обязательно что тыльной... Я не помню про тыльную сторону, но то, что ночнушкой оборотной стороной вытираешь... И, бывает, что сам вот кто умывает, кто умывает, он сам, если силы вот у того были, кто это там сглазил, сильнее был, что он наоборот болеет. Он, допустим, меня там помыл, там кого-то и всё, и у самого начинает там голова болеть (Мт.: Мотыгино, 2016).

2. Рассказы, записанные в Богучанском районе Красноярского края

Текст №1

Информант: Скурихина Галина Феофиловна, родилась в 1942 г. в д. Иркинское Богучанского р-на.

Собиратель: Фельде О.В.

– Это я не знаю, но свекровка рассказывала так. Вот у них, вот, где мы купили дом и жили в её... Так вот, их два было крыла. И кто-то, как-то делалась свиньёй и приходила. И её избили, эту свинью. И она убежала. Убежала, а утром, говорят, заболела вот эта вот старуха. Вот это я слыхала у свекровки. Волхитка делалась свиньёй и пришла во двор. Ну, чё они делали. Во двор приходили, значит, портили, я-то так понимаю-то как, – портили скота, на кого злой. Ну, ведь не каждый человек добрый есть, всякий есть. И вот она ночью превратилась в свиню и приходила к имя. Ну, к кому там – к имя, кто жил там, я не знаю. А вот рассказывала свекровка. А у их жила тётка та, у ей, вот у свекровки тётка вот в том дому-то жила. Но вот это я не знаю, там, к ихним родителям, мож, приходили, что ко скоту-то ли как ли. Или уж Анна. Эта жила Анна. Ой, как они её. Но её звали-то Анной, то ли Анна Константиновна ли её. Ну, я не знаю фамилии. Вот она там жила. И вот, она, свекровка, рассказывала. Это лично я у свекровки слышала. А вот они говорили, что у меня, где опять Фадей. <...> Как у Фадеевских нянька вышла за зятя Ивана. <...> И тоже говорили, что бабушка у ей летала по

трубе. Ну, превращалась она кем-то, метлой или чем-то. Ну, головёшкой ли, чем ли. Ну, вылетала по трубе, говорят (Бг.: Иркинеево, 2015).

Текст №2

Информант: Скурихина Галина Феофиловна, 1942 г.р., проживает в д. Иркинеево Богучанского р-на.

Собиратель: Фельде О.В.

– Вот это знаю, что рассказывала. Валентин это всё рассказывал. А у кого он слышал, тока у своих. Вот здесь вот Арёксины жили, в соседях у нас. У них был, тётя Стёпин, ну, а тётя Стёпа в таких же драках наши родители. У ей был отец, и вот этот отец, видно, всё знал. И у них пацан был, он ещё пацаном был, Павлик, не женатый, дома жил. И они раньше, видишь, кони-то, кони, это ещё и при нас выпускали, колхозных коней. Когда весна проходит, они на лето их выпускают, и там ездют человек. Он съездит там по [неразб.] и эта хлеба посеяна, а они там ходят, кони, и хлебы раскладывал, и он там их приглядывал маленько, шо этих коней, штоб все они тут или не все ли, а может притаятся какая, тоже. Ну, и вот. Они ездили, где Александр был, вот, Анны-то вот, которую вчера водили.

[– Логиновы. – Собир.]

– Да, вот её отец. И вот он ей, они ездили, ездили, коней не могли поймать, а матери надо на покос. Они на свой вот посеvну кончили, и вспахали семь огороды на конях, и это при мне ещё было, это я хорошо знаю. И отпускали этих коней, а потом они их ымали – надо на покос уже. И вот они ездили, ездили и поймать-то не могли, но это до меня ещё было, но и при мне это было. Это ещё было. И вот никак не могли поймать. Ну, и пришли к этому дедушке Иннокентию, ну, дескать, помоги нам, коней не можем поймать. Дак вот берите, то ли Ванькой его называли, или как они называли, парня-то. Берите Ваньку вам дам. Поезжайте. Они поехали, а он ещё пошёл обиженный, говорит:

– Ну, а чё Ванька нам поможет, чё нам Ванька?

Приехали, и всех коней, кони все пришли, всех коней поймали.

[– Галина Феофиловна, а расскажите про этого дедушку Иннокентия? Мы слышали, что у него были способности. – Собир.]

– Я не знаю. Я не могу сказать. Это отец ещё был. Я вообще его не знаю. Всё, что хоть рядом жили. Я его не знаю. Так говорить, это ещё просто говорила, и Валентин вот это говорил, где он слышал. А один раз опять у кого-то рыбачили, и чё в лодке-то у них, рыба была что ли, рыба, по-моему, была. А подошёл вот к этому дедушке Иннокентию, подошёл, к рыбе-то, кто-то взял, сколь-то рыбёнками-то, токо одну. Он пришёл и говорит ему

– Рыбку-то положи, говорит, на место.

Принёс, положил на место. Он от лодки не ушёл никуда, говорит. Вот это говорили, рассказывали, а я чё, я почём знаю. Я ничё не знаю-то (Бг.: Иркинеево, 2015).

Текст №3

Информант: Шимоновская Нина Петровна, родилась в 1934 г. в д. Бедея Богучанского р-на (ныне Кежемский р-н), в н. вр. проживает в с. Богучаны.

Собиратель: Васильев В.К., Кайзер К.В.

– Привели, значит, вроде как, корову дали маме. Они отдельно жили там. Корову дали, ага. И эта корова до того дожила, у нее... Она хорошая была, и у нее уж ни одного зуба не было, и мы ее сдали в колхоз, а нам молодую дали корову. Вот. И чтоб эта наша корова, Седлунька, пошла... А они... А колхоз сдавал это, скот сюда в Богучаны угоняли. Ну, государству мясо сдавали. И моя Седлунька должна потти. Ну, и вот, мама говорит, этот, который погонит, грит, ваша корова с колхозным стадом не пойдет, она частная, не пойдет, ага. И всё. А мама потом мне и говорит:

– Слушай, иди к дедушке Гане и скажи, чтоб он нашу Седлуньку проводил до Богучан.

Вот, пошла, прихожу:

– Дедушка Ганя, проводи нашу Седлуньку до Богучан с колхозным стадом. Это вот так, так, так, так, так.

Он говорит:

– Да-а, ну, садись, пиши. Он мне диктует, я пишу. Я это все списала, он мне и говорит

– Когда погонят скота, а там ведь не одну корову, колхоз, да ешшо наша. Когда погонят, или ты читай, чё написала, или рассказывай, выучи.

Я мигом это всё выучила, ага. И всё, погнали, погнали мы коров. Три километра от деревни, она у нас каждую вёсну туда ходила. Она шла, а когда сворот пошёл уже в другую сторону, она не пошла. А тут болотина такая, ой, кочки вот такие! Я гоняюсь, гоняюсь. И это, повесилась пузой на кочке. Вишу и бах, вспомнила, с половины где-то начала я это говорить то только. А мне надо было сразу, а я тоже... Алёна... Ну, и вот это, я давай говорить, говорить вот это всё. Вы понимаете, моя Седлуня остановилась, на меня так посмотрела, она как-то, вот какой-то звук издала, как лошадиный, ага, на меня, и пошла. И пошла, и пошла, и пошла, и пошла, и пошла, и пошла, и за тем, за дядькой, который повёл это первый-то ведёт, а тут много идёт коров. Потом он приходит, когда уже приехал, и говорит на маму:

– Райка, ты чё-то знашь?!

Она грит:

– Чё знашь?

– Дак твоя корова от меня не отходила ни на шаг. Если я выйду, отойду в сторону это, она поест это. Ну, по лесу же, там дорога это... А так она, грит, это, как привязана ко мне была. Понимаете? Вот как вот он вот это и...

[– Повлиял на корову? – Собир.]

– Вот этот наговор, как наговор, который он мне рассказал, я прочитала... рассказала это, потом сообразила, как уж это всё. И вот это он увёл корову нашу! (Бг.: Богучаны, 2017).

Текст №4

Информант: Заборцева Галина Александровна, родилась в 1951 г. в с. Богучаны.

Собиратели: Васильев В.К., студент ИФиЯК СФУ Дмитриева Ю.

– Тётъ Люся Смолина была, помню. Ой, тоже такая. Это кто так – кто сглаз убирал, кто чё. Вот таких вот много было в Богучанах, очень много. Вот щас вот даже вообще не знаю. А есть, не верят люди. Но, когда, допустим, вот, действительно, убеждаются, что вот это всё делается и проходит, тогда, ну, у людей какое-то недоумение получается, что, ну, как это – врачи не могут, а вот именно какая-то бабушка, она может это сделать. Ну, вот так вот. Ну, было очень много знатких, говорят. Они были так раньше. Ой, знаткие, ой, какà знатка-то! Вот так вот по деревне-то, знаете, как. Вот. И есть, вообще, очень много. Вон тётъ Аня Говрушенко, но ей тоже уже, наверно, под восемьдесят. <...>. Она живая сейчас. Вот она очень хорошо правит голову. Вот если сотрясение или ещё что-то, и вот правит голову. Она вот за три сеанса выправляет голову, что потом вообще ни голова не болит, ничего. Вот. Ну, она уже тоже <...> старенькая, уже редко очень берётся, но живая ещё (Бг.: Богучаны, 2017).

Текст №5

Информант: Заборцева Галина Александровна, родилась в 1951 г. в с. Богучаны.

Собиратели: Васильев В.К., студент ИФиЯК СФУ Дмитриева Ю.

– Вот. Что было очень много бабушек и старички, которые вот лекари, лечат. О-о... у нас очень много было. У нас дедушка был старинный-престаринный. Он, вот, лечил, вот, припадки, вот, кода бьют, как «своя» она называется или как-то. Он вылечивал. Никто не вылечивал. Он вылечивал.

[– А как? – Собир1.]

– А вот как вот... у него свой был вот это вот. И к нему ото всюду ехали, кто вот такими заболеваниями страдал. И очень было много вот это вот. Много очень. А щас вот уже и нету никого. Щас вот даже вот, года два назад ещё были, у нас в Богучанах ещё, две бабушки. Все уже прошлый год умерли. И щас вот молодёжь такими не это. Вот как вот, экстрасенсы вот эти все вот, это ой... а там вообще. Такие бабушки. <...> Тётъ Люся Смолина была помню. Ой тоже такая. Это кто так, кто сглаз убирал, кто чё, вот таких вот много было в Богучанах, очень много. Вот щас вот даже вообще не знаю.

[– А сейчас в это не верят? – Собир2.]

– А есть не верят люди, но когда, допустим, вот действительно убеждаются, что вот это всё делается и проходит, тогда ну... у людей какое-то недоумение получается, что, ну, как это, врачи не могут, а вот именно какая-то бабушка, она может это сделать, ну вот так вот. Ну было очень много знаткíх, говорят, они были так раньше. Ой, знаткие, ой кака знатка́-то. Вот так вот, по деревне-то, знаете как. Вот. И есть вообще очень много. Вон тётъ Аня Говрушенко, но ей тоже уже наверно под восемьдесят. Вот она очень хорошо правит голову. Вот если сотрясение или ещё что-то и вот правит голову. Она вот за три сеанса выправляет голову, что потом вообще ни голова не болит, ничего. Вот. Ну она уже... тоже так уже редко берется, что ну, уже, ну, старенькая, уже редко очень берется, но живая еще... (Бг.: Богучаны, 2017).

Текст №6

Информант: Атяскина Елена Михайловна, родилась в 1969 г. в п. Пинчуга Богучанского р-на.

Собиратели: Васильев В.К., студент ИФиЯК СФУ Дурьнина Л.

[– Каких людей называли знаткими? – Собир.]

– Знаткой – это чё-то знает. Как у меня соседка была. Мы в деревне жили, она говорила, если корову будешь держать, и она мне там говорила заговор.

Ну, я, конечно, корову не собиралась держать. Там за стену надо было, за корову, и говорить заговор, и она никогда с места не вильнет, ничего так. Чтобы корова возвращалась, это тоже. То есть младший старшего не должен учить, она мне говорила, бабушка, баба Анна. Надо, чтобы старший был. Вот я тебе мог, а ты мне ничем помочь не можешь: если ты меня научишь, я ничего использовать не могу. Вот она про... Это все знали в деревне, заговор такой, что корова стоит, как стена. Я шибко это не помню, чтоб корова возвращалась. Искали же, короче. Тоже какой-то заговор такой был. (Бг.: Пинчуга, 2017).

Текст №7

Информант: Заборцева Галина Александровна, родилась в 1951 г. в с. Богучаны.

Собиратели: Васильев В.К., студент ИФиЯК СФУ Дмитриева Ю.

– Тётъ Люся Смолина была, помню. Ой, тоже такая. Это кто так – кто сглаз убирал, кто чё. Вот таких вот много было в Богучанах, очень много. Вот щас вот даже вообще не знаю. А есть, не верят люди. Но, когда, допустим, вот, действительно, убеждаются, что вот это всё делается и проходит, тогда, ну, у людей какое-то недоумение получается, что, ну, как это – врачи не могут, а вот именно какая-то бабушка, она может это сделать. Ну, вот так вот. Ну, было очень много знатких, говорят. Они были так раньше. Ой, знаткие, ой, какà знатка-то! Вот так вот по деревне-то, знаете, как. Вот. И есть, вообще, очень много. Вон тётъ Аня Говрушенко, но ей тоже уже, наверно, под восемьдесят. <...>. Она живая сейчас. Вот она очень хорошо правит голову. Вот если сотрясение или ещё что-то, и вот правит голову. Она вот за три сеанса выправляет голову, что потом вообще ни голова не болит, ничего. Вот. Ну, она уже тоже <...> старенькая, уже редко очень берётся, но живая ещё (Бг.: Богучаны, 2017).

Текст №8

Информант: Скурихина Анна Максимовна, родилась в 1941 г. в д. Иркинеево Богучанского р-на.

Собиратели: Фельде О.В., Васильев В.К.

[– Мне рассказывали, что здесь жила женщина, которая умела уводить саранчу. – Собир.]

– А, это была Анна Аввакумовна. Вот саранча подала весь хлеб. Яё увезут туда, и она кругом поле обойдет и всю саранчу уводила.

[– Куда? – Собир.]

– Прямо.

[– За собой что ли? – Собир.]

– Да, она потом... она потом уходила эта саранча, она с поля уйдёт, её нету. Нету этой саранча, она уводила её (Бг.: Иркинеево, 2017).

Текст №9

Информант: Михайлова Людмила Валентиновна, родилась в 1954 г. в п. Пинчуга Богучанского р-на.

Собиратели: Васильев В.К., Фельде О.В., студенты ИФиЯК СФУ: Киселёва С., Ступакова Е.

[– Вы знали бабушек, которые могли лечить? – Собир.]

– Ну, были. Баба Дуня у нас была, она умерла. Она всё лечила. Она всё-всё знала, столько примет. К ней все шли, отовсюду. Она всех лечила от испуга, грыжу там за это, а щас уже и в посёлке никого нету.

[– Как она лечила от испуга, от грыжи? – Собир.]

– Ну, от испуга, я помню, она лечила... У меня брат сильно больной был, она в печь его чё-то там, его в печке. Зажигала лучину и с молитвою, вот она это. А грыжу – пуповину как-то там зубами затягивали, это я точно не знаю.

[– Баба Дуня была знахаркой? – Собир.]

– Да, она была очень хорошая бабушка, она рядом с нами жила. Она такая доброжелательная, маленька старушка была. Она стряпала хорошо, она – всё, что ни случись, всё к ней люди шли и шли. Она всем-всем помогала. Потом она уехала в Мотыгино, к внучке. И она, видимо, она не могла передать свою вот эту знатк... это знахарство. И она, она не могла дома умереть. Она расстелила платок и на платке зимой умерла. Она расстелила шаль или платок. Она не могла дома умереть, потому что она не могла никому передать. И она сильно тяжело умирала (Бг.: Пинчуга, 2017).

Текст №10

Информант: Михайлова Людмила Валентиновна, родилась в 1954 г. в п. Пинчуга Богучанского р-на.

Собиратели: Фельде О.В., Васильев В.К., студенты ИФиЯК СФУ: Киселёва С., Ступакова Е.

[– А у рыбаков есть поверье, если глазливый человек посмотрит на них, то они ничего не поймают? – Собир.]

– А, ну! Ну, бывает тоже вот. У нас дядя Вася говорит... Там вот соседи жили в конце, щас они переехали. Вот говорит: «Утром встану, – говорит, – три часа, даже трёх нету. Где она увидит меня? Я уж машину далеко там поставил это. Всё, надо возвращаться – никакой охоты не будет». Она вот увидела, что он поехал. Он говорит: «Я ночью крадучи уезжал».

[– Получается, что эта женщина – глазливый человек? – Собир.]

– Да, нехороший человек, она – нехорошая была такая. Её никто у нас в деревне не любил.

[– Таких людей называли знаткими? – Собир.]

– Да, вот так и говорят: «Это знаткая». Так прям и говорят: «Знаткая».

[– Есть хорошие и плохие знаткие люди? – Собир.]

– Ну, конечно. Вот баба Дуня была, она знаткая была, но она была очень добрая. Она с моим сыном водилась, и в то время была молодая. Думаю:

«Почему я у неё ничему не научилась?» Вот даже не научилась, прям вот так я щас жалею! Она всей деревне стряпала ходила. У неё такая стряпня была! (Бг.: Пинчуга, 2017).

Текст №11

Информант: Ишкабулова Галина Михайловна, род. в 1951 г. в д. Каменка Богучанского района, в н. вр. проживает в п. Манзя Богучанского р-на.

Собиратели: Васильев В.К. Смирнов Е.С.

– Знаете, я такую историю расскажу. Это в Каменке было, её звали Скребушка, старушку одну. Ну, вот об этом я маму спрашивала несколько лет, она говорит:

– Да, правда, это было.

И мы все: Скребушка, Скребушка. Рассказывали о ней небылицы. Это жила бабушка, они жили с дедом. И это вот у них, грит, корова отелится у них. Они ходили, вообще, ну, раза два, наверно, косили всего. Ну, где это корове хватит воза два?

Я говорю:

– Ну да, а как они, доили её?

– Да, доили.

Они у неё отбирали выть, то есть аппетит отбирали, и вот ей хватало этого. И вот что она делала, говорит. Придёт утром рано, Агафья у них звали бабушку, и говорит:

– Агафья, ведь у тебя уж корова отелилась.

Она не знает сама хозяйка, ходила она не... Вроде бы закрыто стайки.

То есть она вот такая-то была, и потом она, говорят, превращалась в свинью. Вот насколько рассказывают, вот то, что люди рассказывают. Вот привезли как-то сено братья её же. Вот сено, большой же воз скотский, там бастрИк, палка такая наверх, чтобы сено не развалилось. И вот она вертится, вертится под ногами, и взял кто-то это бастрик кинул в неё, ударил, и она уползла. И

вот с тех пор она слегла. И вот она когда слегла, она умирала очень, говорят, тяжело. Она выла, её цепями приковывали, и до тех пор, пока вот в мАтнице, вот это бревно, которое держит потолок в деревенском доме, пока дыру не просверлили, она не могла умереть.

[– А зачем дыру сверлили? – Собир.].

– А чтобы душа вышла, видимо. Потому что, говорят, насколько правда, не знаю, если она не передала никому это, она умерла, если бы передала кому-то своим вот этим вот, ну, вот насколько это... Мы раньше всегда: Скребушка, Скребушка. Там домик остался, где она жила в то время, вот это. А тут я уже маму спрашивала, потому что всё равно как-то более пожилой, и тем более она жила.

– Да, вот это правда было (Бг.: Манзя, 2017).

Текст №12

Информант: Заборцева Галина Александровна, родилась в 1951 г. в пгт. Богучаны Богучанского р-на.

Собиратели: Фельде О.В, Васильев В.К., студент ИФиЯК СФУ Ю. Дмитриева.

– Мама всегда говорила: «Галя, есть такие люди, которые калечат, а есть, которые лечат». Потом уже много времени прошло, у меня тоже началось. Началась у меня царапня. Сижу на работе, то тут поцарапаю, то тут поцарапаю, то тут и думаю: «Чё-то непонятное». И вот прямо в коросты, вот так исцарапываюсь и всё думаю: «Ну, что это такое, вообще ничё не понимаю. Опять, наверно, что-то делают <порчу напускают>». Тётя Уля Цих, была у нас такая тут, она по кофейной гуще гадала. Ну, Наде рассказала, она говорит: «Ты знаешь чё, ты сходи к тёте Уле Цих. Она тебя посмотрит хотя бы». Ну, и вот я к ней пришла, а она кофе дала мне попить. Ну, там немножко. «Давай мне, – говорит, – сюда, гущу». Ну, и вот она на блюдечко её – раз. И вот, знаете, ну, верите, нет, вот начал вырисовываться так вот

памятник, вот так вот, и звёздочка, крест. Она говорит: «Ну, тебе это на смерть». – «Кому, – говорю, – что надо-то?». И вот она мне тогда убирала, убирала. Я к ней семь дней ходила. И вот она всё убрала и потом сделала мне пояс на маке, оберег вот такой. На наговор. И всё как-то убрала, ушло вот это всё. Ну, кому-то что-то надо было. Так она мне говорит: «Вас доставали и по телефону, и в сумку пихали, и под порог дома совали». И я, действительно, потом находила под ковриком и пряжу, и шерсть, и иголки, всё было понатыкано. Вот люди. Не знаю, человеку плохо желают, вот и всё. Вот такие вот люди. А есть, которые это всё убирают. И не хочешь верить, да поверишь. Вот так вот. И вот с тех пор больше никогда ничего не было, ничё (Бг.: Богучаны, 2017).

Текст №13

Информант: Рукосуева Ольга Степановна, родилась в 1924 г. в п. Пинчуга Богучанского р-на, в н. вр. проживает в пгт. Богучаны.

Собиратели: Фельде О.В., Васильев В.К., студенты ИФиЯК СФУ: Дурынина Л., Побережных И.

[– Ваши родители в Бога верили? – Собир.]

– Верующие, иконы лежат щас у меня. В кладовке иконы. Мама венчались, я говорю, икона, целая икона. Верующши, верующши, они праздники соблюдали, што это. Паска, Троица, эти хорош-то, большие праздники. Гуляют! Гостей приведут. Мама угошшат, поёт. Это я помню всё хорошо. <...>

А жить-то, видеть-то старый свет бабушке как? Ну, ведь я опять позвонила, это, врачу-то, што опять загуляла. Она ведь – привози в больницу, опять будем откапывать. Со мной всё хорошо, меня знают, я ребятишек лечу, от испуга лечу и грыжу... закусываю. Меня в Богучаны-то все знают, ну, так.

[– А как Вы лечите? – Собир.]

– А грыжу закусываю.

[– Как это? – Собир.]

– Закусываю пупик. Закусываю. А потом у меня тако средство есть, скоблю ребятишкам на сосок, пососут и всё. У меня вот у обоих грыжи не было. Юлька из больницы приехала, я наскоблила – на-ка, Юленька, на сосок. Сосёт и всё, раза три пососёт и всё.

[– А что это такое, что за средство? – Собир.]

– Горючая сера, жёлтая. У меня большой комок был, а теперь остался маленький, ведь я берегу. Вот такие дела.

[– Вы знаете какие-нибудь заговоры? От сглаза? – Собир.]

– Не поняла.

[– Знаете какие-нибудь заговоры? – Собир.]

– Ну, от испуга знаю.

[– А что нужно делать? – Собир.]

– От испуга, значит... забыла, постой, вспомню... Вспомню, ведь забыла, так-то хорошо знаю. Вот видишь как, вылетело из головы-то. Ща... Вылетело, не могу вспомнить-то... Не могу вспомнить-то, ты подумай-ка. Видишь шо так... а так-то наизуст, привезут ребёнка, лечу. Вот не могу вспомнить-то, сказала бы вам наговор. Ой, а грыжу просто закусываю. Тряпочку – на пупик, и закусываю тихонько так, зубчиками.

[– И проходит всё? – Собир.]

– Ну, ведь ты подумай-ка, забыла. Вылетело из головы, ведь я лечу, знала хорошо, а вот забыла. Ну, так переживанья-то это до добра не доводит. Ох, ребята, ох, ребята-то, тошно-то как (Бг.: Богучаны, 2017).

Текст №14

Информант: Фукс Татьяна Ивановна, родилась в 1960 г. в пгт. Большая Мурта Большемуртинского р-на, в н. вр. проживает в с. Богучаны.

Собиратели: Васильев В.К., студенты ИФиЯК СФУ: Лапаух О., Максимова П.

– Вот у меня внуку двадцать лет, он шас с армии пришёл, да... И когда вот эта дочь была сейчас моя, они, когда поженились с его папой, мы сыграли большую шикарную свадьбу. И на свадьбе не было бабушки, его бабушки родной. Я спрашиваю: «Почему бабушки нет?» – «Нечего ей здесь делать». Ну, нечего, нечего...

Я не помню там, может быть, дней двадцать-десять прошло. Я думаю: мне надо её найти. Найти, как это так? Не бывает. У нас родня вся дружная, и все, кто могли, все приехали на свадьбу, а они с ней вообще не общаются. Я пошла к бабушке. Прихожу к бабе Гале, «баба Галя» её звали. Прямо адрес мне всё сказали. Захожу, стоит старушка – божий одуванчик. Такая вся чистенькая, такая вся ухоженная, там белые половички. Вот это ещё от неё все половички такие, те тоже. И она прямо такая вся... Ну, я ей объяснила, что я вот тёща её внука. Она говорит: «А я его с рождения не видела». Ну, и вот мне стало любопытно. И я с ней стала общаться, стала общаться, стали мы, значит. Потом уже Ванечка родился, они разошлись, правда... А оказывается, когда сын женился, он привёз её с армии, то все знали, что бабушка ворожит. У нас вот кошка, но шас вот тут... Ну, шас объясню... Мы кошку эту бабой Галей назвали. И эта бабушка ворожила, то есть она делала так вот: она, на кого разозлится, делала, чтобы у мужчин не стояло, а корова, чтоб не доилась корова, заворачивала ей рога так, чтобы она помирала. И вот никто в это не верил. А она сирота была, с Карабулы сама. Карабула, знаете где?

[– Да. – Собир.]

– Это деревня. Это вы в Таёжном были? Там Карабула недалеко, деревня. И она с четырех лет осталась сиротой и жила у тётки, и тётка её научила вот. Они же здесь все ворожат.

[– Все? Много здесь таких? – Собир.]

– Очень. Потому что, я когда уже в озэка работала, к нам приезжала, человек на пятнадцать... Э-э, знаете, как она называлась-то, не помню, но что-то вот такое по тёмным, по этим силам работают. Специализация была у них

интересная. И-и, ну, я их возила, я им давала свою машину, они ездили по району всё. А потом вечером сидели, выпивали уже, когда им уезжать, мы на их стол накрывали. Я говорю: «Вы, ну, что? Много у нас здесь нашли?» Смех смехом. Она говорит: «А вы не смейтесь. У вас столько чёрной силы. А как вы живете, не знаем». А здесь, действительно, чёрной силы очень много, потому что другой раз сама себе не веришь, что делаешь.

[– А вот про бабу Галю. – Собир.]

– Ну, вот эта вот бабушка. Значит, она жила-жила-жила. Э-э, сын с ней. У неё трое сыновей, никто с ней не общается, все трое сыновей. Внуков у неё тоже было здесь двое, значит, у того сынок один, четверо внуков. А когда ей стало время, прошло, я с ней прообщалась, наверно, лет, ну, пятнадцать. И когда ей время пришло, ей помирать, она заболела. Она, значит, позвонила мне по телефону, говорит: «Приди, Таня». Я пришла, она говорит: «Я дом свой», – а дом у неё большой, красивый был, – «переписываю на правнука, на Ваню, только ты за мной поухаживай. Если что-то со мной случится вот, лежать буду, болеть буду». Я говорю: «А почему на правнука-то? У вас есть ещё правнуки, у вас есть сыны, внуки». Она говорит: «Ты сама знаешь, почему». «Почему, – говорю, – баба Галя, ты мне объясни, почему они с тобой не общаются?» – «Ну, вот, потому что я вот умею делать». Я говорю: «А ты не боишься, что я тебя боюсь сама. Вот, я тебя боюсь. Понимаешь, я не местная. Я вот не верю в это колдовство. Ну, то, что творишь ты, да, люди-то все говорят, и мне всё рассказывают». Она говорит: «Ну, хочешь вот посмотреть?» (Смеётся). Я говорю: «Ну, хочу». А у неё была кошка чёрная, чёрная-чёрная кошка. Ну, и она что-то так вот повернулась к этой кошке, вот она на неё как зашипела. Я даже не поняла, чё случилось. Кошка эта с кровати как прыгнет, прыгнет – прямо, знаете, вот у неё уголок был, где эти иконы стоят. Ну, кошка прыгнула так вот вся, как-то вот так это, на как это называется, горб у неё когда получается, как зашипела и пошла. «Баб Галь, что это было?» Я сама напугалась. Она говорит: «А это я чертей гоняю». И вот теперь бабушка умирает, значит. Это было пять лет назад. Бабушка

попала, нет, бабушка дома была ещё до больницы. Она умирает. Ну, мы её похоронили, всё честь по чести. Там, на этом месте, где у неё был дом, сделала дочь пристройку, открыла там гостиницу. И вот в этом году... В этом, да? Зимой появляется... А у нас, а кошка, перед тем как бабушке умереть, она ушла. Ушла и ушла. И в этом году появляется кошка. Появляется котёнок, небольш... Ну, такой побольше ещё. Чёрный-чёрный, такой, как вот у неё был. И теперь этот, эта кошка творит чудеса в гостинице. Пристройку сделали, но где бабушка жила. Это место, этот домик, он так и остался, он в середине получился к пристройке. И она там вредит. Назвали мы её «Баба Галя», потому что, что кошка вытворяет – невыносимо. Это просто она вот пере-, пере-, перешла душа вот в эту кошку и хозяйничает. Где она жила, там живут сейчас... прошлый раз жили мужчины. Она всё поразорвала, все пакеты разорвала и нагадила. Просто нагадила и размазала. Не может кошка этого делать. Она же, вообще, живёт на улице спокойно, у неё там свой угол есть. А вчера, да? Или позавчера опять: всё порвала, за-а, и она вот лезет в эту. Там же номера закрытые все, она лезет прям туда, залазит и гадит.

[– А ещё, что про неё рассказывали? – Собир.]

– Ну, вот говорили, что если она кого-то невзлюбит, то она сделает так, что вот... Но она и сама не скрывала. Она была маленькая такая, чудненькая. У меня как-то знакомый приехал, полковник Пустин. Мы, значит, сидим дома с ним, а она идёт. Он так напугался её и говорит: «Ой, слушай, как из сказки “Спящая красавица”». Когда, помните, бабушка-то яблоком отравила её? Вот она вот такая была. Я вроде ничо плохого про неё сказать не могу, потому что я с ней не жила и не и общалась. Ну, вот люди-то, все вокруг, её как огня боялись. Они её стороной обходили (Бг.: Богучаны, 2017).

Текст №15

Информант: Заборцева Галина Александровна, родилась в 1951 г. в с. Богучаны.

Собиратели: Васильев В.К., студент ИФиЯК СФУ Дмитриева Ю.

– Расскажу один случай. Алинке было, наверно... Ой, ну, наверно, лет восемь было ей. И мы дружили с Валею Логиновой, у неё Серёга. Она работала заведующей магазином. Она в нашем доме жила, только в том подъезде. Вот пришли вечером, ну, Алина, значит, Серёга, и решили поужинать вместе. Я картошки пожарила, ужин приготовили, а ребятишки там, в спальне. У Алинки там стояла тахта. Вот так поперёк спальни. Прибегают: «Мама, мама! Ты чего там, мясо что ли положила под тахту?». А тахта на ножках: «Какое, – говорю, – мясо? Ну, пойдём, посмотрим». А мячик закатился под него, она достать не может, а там лежит. Вот, я достаю, значит, достаю в газетах. Газеты сухие. Две половинки кирпича положены посередине вот этой тахты. Ну, это кто-то что-то делал на меня. Кто, я так до сей поры и не знаю. Ну, и, короче, на нас... Две половинки в газетах, и причём эти половинки кирпича, они как во льду. Газеты сухие, лед сухой. Я-то поняла, что руками это брать нельзя. Я, значит, на совок и выбросила его. И вскорости, где-то через неделю, наверно, заболела Алина. Заболела, и вот скорую вызываю, врачи приезжают. У неё температура высокая, она вся красная. И ничё понять не могут, ничё определить не могут. Я вообще в расстроенных чувствах. И вот Галка мне говорит. А у нас жила на молоканке Истомина тётка Клава, и она лечила людей. У неё много лечились, тоже ездили. И вот, значит, она говорит: «Слушай, я ей щас Колю повезу туда на лечение, мы договорились, – говорит, – поехали с нами на машине. Бери Алинку, поехали». Ну, мы приехали, а у нас Геофизики, поселок. И эти геологи все к ней лечиться ездили. У неё такие очереди были на лечение, просто я даже щас не представляю.

Ну, мы приехали. У Галки-то как-то было записано. Она говорит: «Ну, постой, – говорит, – мы зайдём кода с Колей (а по времени там всё), и я спрошу у неё». А народу очень много. И Галка выходит, и эта тётъ Клава выходит. Пошла руки мыть, после каждого она ходила мыть руки. И она, значит, говорит: «Женщина, вы с девочкой, вы сейчас зайдёте. После этого зайдёте вы». Ну, там все завозмущались. Она говорит: «Я сказала, что я щас приму их». И мы заходим к ней. У ней там комната, так коридорчик, а тут как бы такая прихожечка и коридорчик. Заходим. Проходит Алина, прохожу я, и она за нами. И вот она только в дверь заходит, и начала вот так зевать. Рот не закрывается. Я думаю, что такое. Говорю: «Что такое-то?». Ну, она, видать, какие-то манипуляции сзади делала. Я-то и не знаю, что она там делала. Мы просто шли, она за нами. И она говорит: «Вы в эту сторону отойдите, я на ребёнке». Я стою в стороне, она вот так, Алина стоит спиной, она вот так на расстоянии двух метров от ребёнка, вот так три раза провела рукой. И вот так мне показывает, здесь вот чёрный крест на руке. Она её посадила и говорит... А я ей стала рассказывать, что вот такой кирпич, что тэ-тэ-тэ. Она и говорит: «Вас разлучают на две половиночки. Два кирпича вас разлучают. Причём ребёнка сводят на смерть. Вот видите – чёрный крест». И вот она её посадила, она говорит: «Ну, за пять сеансов я всё сниму». И вот она за пять сеансов всё сняла, убрала всё, всё. И не стало у Алинки ни температуры, ни красноты, ничего. И врачи так до сей поры, потом ещё было несколько раз, мне-то сказали: «Какую-то инфекцию подцепили». Мне так доктора сказали. И она говорит: «Я всё убрала». И описала мне эту женщину. И потом я уже поняла, какая это женщина. И вот эта женщина, прошло, наверно, года три после этого, она умерла, эта женщина. Вот. «Она, – говорит, – про то, что делала она вам, я всё вернула ей обратно. Вот все манипуляции вот эти». Я никогда не верила, а тут вот я поверила (Бг.: Богучаны, 2017).

Текст №16

Информант: Скурихина Анна Максимовна, родилась в 1941 г. в д. Иркинеево Богучанского р-на.

Собиратели: Фельде О.В.

– Наша баба была знаткая, ужас какая сильная была, знаткая так знаткая! Вот дождя если долго нет, сушь – так она икону искупает в Ангаре, пошепчет что-то – и как из ведра, бывало, польёт. Много чё могла! И маме, видать, чё-то передала, она и грыжу загрызает умеет, и голову правит. Ячмень – дак за один раз проходит.

[А ещё что делать может? - Собир.]

– Ну, грозу может отвести. Если она только собирается. Там, говорит, нужно момент поймать, когда остановить можно.

[Как? Каким образом? – Собир.]

– Слова есть специальные (Бг.: Таёжный, 2017).

3. Рассказы, записанные в Кежемском районе Красноярского края

Текст №1

Информант: Казаков Николай Иванович, родился в 1934 г. в с. Кежма*, в н. вр. проживает в г. Саяногорске.

Собиратели: Фельде О.В., Астраханцева Э.А.

[– Как уберечься от злого человека? Есть какие-то обереги? – Собир.]

– А которая на надбровник, на дверь, на надбровник литовку клали... Литовку. Коса. Коса старая. На надбровник у двери.

[– А надбровник – это что такое? – Собир.]

– Ну, дверь... Это обналичка, обналичка у окна, у дверей обналичка – надбровник называется. Сзади неё клали.

[– Косу? – Собир.]

– Косу, косу.

[– Это от злого человека, да? – Собир.]

– Да. Да просто это как белая магия. Детей лечила она тоже. Такая вот бабушка была, бабушка Наталья. Ну, от испуга какие-то у неё заговоры, чисто белая магия. Все бегали к ней. Это старики, с ними всё уходит. Родимчик лечили, да, вылечивали.

[– А что такое родимчик? – Собир.]

– Эпилепсия. Ну, в детстве родимчик зовут. Ну, вылечивали у малолетних, у грудных детей. Родимчиком звали таким. Называли родимчик. Ну, она как бы вылечивается. Это в младенческом возрасте. У цыган это дело знали. Дело в том, что эти врачи бессильны, они не брались лечить, а вот старики лечили и вылечивали.

[– Ну, и травы же какие-то лекарственные знали. – Собир.]

– Наговоры, наговоры всякие. Наговоры были (Саяногорск, 2013 < Кежма*).

Текст №2

Информант: Попова Нина Иннокентьевна, родилась в 1944 г. в д. Климино Кежемского р-на.

Собиратели: Фельде О.В., студент ИФиЯК СФУ Быльцова М.

– А вот я тогда ещё небольшая была, свинарник у нас был. У нас женщина была, мне рассказывали. Была женщина, она здесь где-то жила, её убили. Летаёт по свинарнику. Света не было, они с летучками. Ну, это лампа, туда стекло вставляется, она как керосинка. И когда они на свинарнике работали, и вот эта ведьма... Мне Колпаков, муж, с которым дети у меня, он мне рассказывал, что такое-то было, что идёт он, глядит – птица какая-то. Убираемся в каютах свиней. «Сядет, – говорит, – на плечо. Я, – говорит, – боюсь!». Тётя Соломея, помнишь её? И он такой: «Что это такое?». И её сын. Тоже тётя Соломея (колдунью тоже звали Соломея), он поймал на ней эту птицу-колдунью и в печку выбросили её, а печки раньше-то топились. И в

трубу вылетела, и вся обгорела. Это вон там хата на углу. Проходит мимо неё и говорит: «Кума, так ты пошто обгорела это?». Говорит: «Дак вот, упала». «Дак нет! Мои ребята взяли тебя и в печку птичкой бросили». Но она потом больше никому не наделала зла. Потом её убили (Кеж.: Климино, 2015).

Текст №3

Информанты: Секурцев Николай Иванович (С. Н. И.), родился в 1930 г. в с. Селенгино* Кежемского р-на, в н. вр. проживает в г. Кординске Кежемского р-на; Секурцева Валентина Васильевна (С. В. В.), родилась в 1935 г. в с. Селенгино* Кежемского р-на, в н. вр. проживает в г. Кординске Кежемского р-на.

Собиратель: Фельде О.В.

[– Скажите пожалуйста, у вас в деревне были люди, которые умели лечить, заговаривать? – Собир.]

С.Н.И.: Знахари-то всякие были.

[– Были? – Собир.]

С.Н.И.: Были всякие...

[– Расскажите что-нибудь о них? – Собир.]

С.В.В.: У меня мама-то наговаривала от испугу ребятишкам маленьким.

[– Помните заговоры? – Собир.]

С.В.В.: Я-то не помню. А яго дядя – он опять списывал какой-то список. Вот когда эти ребятишки маленькие пла-ачат или там подвид этаго... эпилепсии – он списывал, список какой-то списывал, и всё завернёт, завернёт и...

С.Н.И.: ...на шею повесит.

С.В.В.: Дятишкам... ребятишкам вот так на вярёвочку надявали. У мяня Вова-то – он в Бога уверовал и рассказывал:

– Я, – говорит, – в армии был. Идёт бой, мы ляжим там – в окопах сидели. Как, – говорит, – грянет – всех убило, я, – говорит, – живой! Всех убьёт – я живой. Вот – домой пришёл! Тоже до девяностых годов жил, однак.

С.Н.И.: Девяносто четыре.

С.В.В.: Вот он наговаривал. К нему многие приезжали, и с других деревень: Фёдор Иванович, спишите, пожалуйста, спишите! Помогало, не помогало... (Кеж.: Козинск, 2015).

Текст №4

Информанты: Секурцев Николай Иванович (С. Н. И.), родился в 1930 г. в с. Селенгино* Кежемского р-на, в н. вр. проживает в г. Козинске Кежемского р-на; Секурцева Валентина Васильевна (С. В. В.), родилась в 1935 г. в с. Селенгино* Кежемского р-на, в н. вр. проживает в г. Козинске Кежемского р-на.

Собиратель: Фельде О.В.

[Были ли здесь глазливые люди? – Собир.]

С.Н.И.: Было, да... посмотрят, и всё – и молока не будет. У нас Галя-то пришла, корову посмотрела, увидела... а, не корову, молоко.

С.В.В.: Да, да, да, да. Я подоила, а у меня подойник-то был восьмилитровый – вядёрко. Корова-то одна. Я пошла подоила, а яго плямянних... плямянниха жана приехала к нам. И сидят под сараем. Ну, я подоила, выхожу с молоком-то, а вядёрко железно полно. Она говорит:

– Тётя Валя, у вас сколь коров-то?

Я говорю:

– Одна... одна.

И вот она поглядела, и всё. Я утром прихожу – корова-та одну литру дала. Стоит, ня ест, пойло притащыли – ня пьёт; куда дяваться? А его, яго сродна сестра жила в Аксёново. Я говорю:

– Деда! Давай! Давай, поехали в Аксёнову. По Наталью Васильевну. Поехали!

Ну вот, собралися, поехали. Привезли яё; ну вот она кого-то наговаривала, каку-то от брюк опушку мужичу надявала корове на рога. Через день всё,

корова восстановила молоко. Потом... соседка моя, тожа у ней умер мужик-та, похоронили яго, а у него внучка. Внучка-та вот... вот такая была; я не знаю, она не училася ешо на катанке. А она говорит:

– Таня! Оставайся со мной ночавать.

А корова была на отёлу; она её три раза доила. Пришла эта:

– Пойдём, говорит, пойдём; я пойду доить эту... её как звали, корову.

Мы пошли. Пришли, она подоила, а девчонка стоит и говорит:

– О-о-о, сколь она молока-то даёт!

Всё – утром пришла: корова не ест, не пьёт, никого. Она прибязала ко мне:

– Валя! Кого делать-та? Кого делать-та? У меня эта!.. Как звали-то?.. Ни ись, и никого не стала. Я, – говорит, – у рукí... в руки.

Я говорю:

– Давай, давай к Наталье Васильевны.

А она уж жила в Пановой. Это сястра переехала в Панову, (неразб.) Вот она побязала:

– Ой, Наташа, родная, пойдём!.. Пойдём!.. Корова совсем не стала ни ись, и ня пить, и никого.

Вот она тожа ей заговаривала, три раза, то ли там чатыре – не знаю, то ли она ей наговаривала... Всё, и корова – корова на мёру встала. Вот что значить...

[– На меру встала – это что значит? – Собир.]

С.Н.И.: Скока давала, стока обратно восстановилось.

С.В.В.: Молоко нормально стала давать, ись стала и пить стала – корова на меру.

<...>

С.Н.И.: У нас Катя-то...

С.В.В.: Катя-то была, эта... как её... Катя Привалихина-то была, с (неразб.)-то живут... уже не хватат в голове... От она, если посмотрит поросят, то назавтра пропадут.

С.Н.И.: Пропадут! Без всяких...

[– То есть она была колдунья, что ли? – Собир.]

С.Н.И.: Да-а-а! Тока посмотрит!..

С.В.В.: От глаз такой!

С.Н.И.: Сама не ходила, грит: я не пойду.

С.В.В.: Я Сашу родила – у нас уже один Алёшка был. Тоже урочный. Я Сашу родила, а оне пришли с Ваняй. С Ваняй Макаровым, два мужика. Ваня говорит:

– Алёша! Пойдём посмотрим: у Николая парнишка родился, пойдём посмотрим!

– О-оу, смотри! Бегать буит, дак увидим!

Тожа у него глаз был – ня дай Бог! (Кеж.: Кодинск, 2015).

Текст №5

Информант: Пимнева Светлана Владимировна, родилась в 1963 г. в Вологодской обл., в н. вр. проживает в г. Кодинске Кежемского р-на.

Собиратель: Фельде О.В.

[– Говорят, в каждой деревне есть бабушка, которая занимается заговорами, лечением... – Собир.]

– Были у нас бабушки. Я вам даже приведу пример: у меня младший сын, сейчас ему двадцать восемь лет вот будет, он был маленький. Ну, ему годиков пять или шесть было, наверно, вот как Никитка, мой внук. Я сюда приехала, тут мно-ого было старых жителей. И он у меня сидит как-то ест, он весь, на руках, – я внимание обратила – весь в бородавках! Бородавки знаете, что такое?

[– Да, видели. – Собир.]

– Вот бородавки – я потом через день смотрю – уже на губах, на лице пошли бородавки... О-а-а-ай, чё делать? Сказали, в общем, чистотел есть такой, чистотел знаете?

[– Трава, да. – Собир.]

– Ну вот, я и прижигала, и всяко, и всё. Потом пошла к одной бабушке, Ульяне, – тут такая была раньше бабушка. К ней ещё так не подойдёшь. Ну, здравствуйте-здравствуйте – зашла к ней. Она, значит:

– Чё-о пришла? Ты чья-а будешь?

Я говорю:

– Ну, вот я приехала там, молодая, это так, у меня вот с сыном такое... Чё делать, бабушка? Вы знаете, говорят, заговёр.

– Я уж слепа-а, ко мне не ходи-и, иди к моей до-очери.

Вот была Клава такая, дочь у неё. Ага, отправила, значит, к этой Клаве. Я прихожу к ней с сыном, к Клаве:

– Мама сказала ваша, бабушка, что к вам прийти вот с бородавками.

– Ну, дак а чё сама-то пришла, уходи-и!

Всё, его оставляем у... чё она ему говорила, я не знаю. Я ей взяла какой-то отрез, помню – ну, как раньше говорят, на платье там или материал, что-то там может. Я уж не помню щас, что там я дала, скоко-то метров. Ну, и первый раз пришёл, я говорю:

– О-ой! Ничё не проходит. Навра-али!

Внимания не обращаю. Потом он вечером смотрю, опять туда убежал. Ну, дня три так к ней пробегал, а потом чё-то случайно мы сидим. Я это... кушать сели – уа-ай, я поглядела: у него рука-то чистая! Чуть-чуть пятнышки розовые, вот буквально. Наверно, дней за пять у него полностью всё прошло. Вот что умеют? Много было... много было... (Кеж.: Козинск, 2015).

Текст №6

Информант: Панова Мария Ильинична, родилась в 1934 г. в д. Усольцево* Кежемского р-на, в н. вр. проживает в г. Козинске Кежемского р-на.

Собиратели: студенты ИФиЯК СФУ Киселёва А., Титенок И.

– Злой, злой... Ой, да злых сколько полно было, злых. Они все уж, все передохли. Все передохли, кто злой был. Злой был один у нас человек,

комендантша была мне злая. Сюда переехали, расскажу. <...> Переехали сюда, злой человек был мне, вреда делал: здесь мне всяки тряпки, иголки всяки подбрасывали, всё ругалась я с ней. А так никого... Она квартиру забрала мою, а мне эту дала. В этой ремонт надо было делать. И листа нету, а я же пожилая уж. Ну, её это... А она забрала мою с листом. Мы с ней разругались, я ей говорю:

– Врёшь, подавишься, сука.

Вон она мне мстила. И вот она мне то иголки подбросит, то кого ходила, то песку какого-то насыпет. Вот такая она была. А так все вот у нас в подъезде живут, у меня днями дверь открыта стоит, я никогда никого не боюсь. А кого, родная, воровать? Я им говорю – ребятишки бегут молодые:

– А чё, бабуля, дверь открыта?

Я говорю:

– Ой, родные, я в жару умираю. А кого, говорю, с меня брать-то? Я, говорю, щас не годна никуда, воровать денег нету. С головы, говорю, костистая же, с задницы – душнистая. Кому я нужна?

Они хохочут, я им загибаю кого попало, они хохочут. Ой... Так, никого, никто, воровства нету никакого. В газетке прочитаешь, там воровство есть како-то всё. А вот у нас, Бог хранит хороший-то лист чистый. Так никого, всё ладно.

[А песок, иголки – это было какое-то проклятие? – Собир. 1].

Да, да, да, проклятие. Колоть, чтобы кололо меня, болезнь каку-то подбрасывала. Ну, тут вот всякие люди. Она старая, правда, была. Я с ней поругалась. Я ей говорю:

– Врёшь, подавися.

И правильно. Я говорю:

– Я молить не буду, ругаться с тобой, а ты эту, говорю, пòкость мне делаешь. Я, говорю, а ты вперёд сдохнешь. Помянешь потом, говорю, меня.

И вот как два года умерла. Вот моя квартира здесь на пятом этаже, и она умерла. Тут у ней ж сын пилот был. Он за ней плохо ходил, обращался с ней,

с ней. Так она... И с голоду он и заморил, она вредна. Для сына была вредна. Так он и с голоду заморил её. Так она и сдохла. Вот так, как мои слова тебе сбылись. И не молись, смотри сама в яму вперёд не провались. Ой... ой, бывают такие люди, родная, бывают. Вот, сейчас по книгам, по телевизору-то посмотришь, дак чё творят (Кеж.: Кодинск, 2018).

Текст №7

Информант: Брюханова Евдокия Иннокентьевна, род. в 1940 г. в д. Гусевка* Кежемского района, в н. вр. проживает в п. Недокура Кежемского района.

Собиратель: Смирнов Е.С.

– Мама рано же умерла... Мама у нас много людей лячила. Вот рябёнок же грудь сосёт... Специально приходили. Мама знала наговор: она рябёнка от груди отлучала, чтоб рябёнок не скучал от груди. Вот оне придут:

– Бабушка Нюра, помоги, помоги...

– Я помогу вам.

Она им наговорит, а потом три дня ляжит, болеет. Кода ребёнку идёт, значит, в пользу, этот человек должен болеть! Вот она им говорит:

– Я вам-то помогу. Вам-то хорошо, а я-то буду опять лжать (Кеж.: Недокура, 2018).

Текст №8

Информант: Брюханов Валентин Иванович, род. в 1954 г. в д. Верхняя Кежма* (д. Мозговая) Кежемского района, в н. вр. проживает в п. Недокура Кежемского района.

Собиратель: Смирнов Е.С.

– Ну, были: и знахари, и колдуны на Ангаре у нас. Это, что люди к ним обращались порой.

[– Что такие люди делали обычно? – Собир.].

– Ну, как обычно, вот сейчас, вы видите по телевизору. Тем же самым, они обладали вот, ясновидением, предвидением, всякими наговорами и советами, и травами лечили, и помогали, чем могли. Приворожить и отбить, и приворожить и всё, что угодно могли сделать. Вот мой дядя женился, ему жену приворожили. Она не могла, ни за кого не смогла выйти замуж. Даже из Красноярска к нему приехала и вышла за него замуж, и всю жизнь прожила. А потом сказала, что вот ей раскрыли тайну, что и она была приворожена. Потому не могла жить ни с кем. И даже из Красноярска по колдовству, по ворожбе вернулась к нему и замуж вышла. Женщина приворожила её. Там по ветру чё-то жгли там, в огне там. Особо... Чё-то дерево по-знахарски што-то сжигали и ветер доносил туда, где она живёт, всё в ту сторону. И колдовство на неё действовало, и она возвращалась.

Присушки знали всякие вот такие, наговоры.

[– Что такое присушки? – Собир.].

– Наговаривают. Присушила – значит, насильно его влюбила, кого-то в себя.

[– Приворожила? – Собир.].

– Да, приворожила.

[– Колдуны, ворожейки отличались чем-то от других людей? – Собир.].

– Внешне ничем не отличались они, но им нельзя было сделать вред. Они мстительные были. Чё-то невзлюбится им, они могли отомстить вот так колдовством.

[– Как они умирали? – Собир.].

– Говорят, что мучительно умирали, что они уже с дьявольскими силами знают. И нужно там где-то, то ли уматиться, или где-то там в избе чё-то подрубить, где-то на крыше што-то. Только тогда она легко уйдёт на тот свет, а так долго мучается, умереть не может.

[– Ворожейки передавали кому-нибудь свой дар? – Собир.].

– Да, бывало, и дар передавали, но этот дар бывает по наследству обрывается. Не каждому дано. В общем, этот дар, он как-то сам подсказывает, что ты можешь или не можешь этим заниматься. Если ты не

можешь, лучше не заниматься, потому что он тебе повредит. Может только заниматься тот, который чувствует силу в этом, чё-то его подталкивает именно этим заниматься (Кеж.: Недокура, 2018).

Текст №9

Информант: Алексина Любовь Анатольевна, род. в 1957 г. в с. Яркино Кежемского р-на.

Собиратели: Фельде О.В., Васильев В.К.

[– А, вообще, были когда-нибудь знахарки в деревне? – Собир.]

– Были. Бабушка Нюра была у нас. Вот, если человек потерялся где-то в лесу или чё, как-то она кричала в трубу. Потом чё-то тесто катала. Или собака у какого-то охотника потеряется, всё скажет или найдется.

<...>

– А как эту женщину называли?

– Ну, я не знаю. Как-то всё время гадать к ней бегали. "Посиди, моя".

[– И она говорила правду? – Собир.]

– Говорят вот совпадало всё. Она даже, дети у кого беспокойные были там, чё-то вытащит, какой-то хлеб, вот такой штучкой по спинке потоптает там, чё-то поговорит и всё.

[– То есть она помогала людям? – Собир.]

– Помогала (Кеж.: Яркино, 2018).

Текст №10

Информант: Потылицына Надежда Петровна, род. в 1960 г. в п. Кордово Курагинского района, в н. вр. проживает в п. Недокура Кежемского р-на.

Собиратели: Васильев В.К., студент ИФиЯК СФУ Кирсанова А.

– Я уже не помню, но у меня телёнок пропадал. Вот не было телёнка. И я ходила к ворожейке, но она счас уехала отсюда. Я говорю: «Ну, телёнка нету,

пропал, уже нету неделю. Уже везде всё обегала – нету его нигде». И она гыт мне: «Вот ты, вот такой наговОр. Садись в печку, читай этот наговор и кричи по, как по имени телёнка своего». Ну, чё кричала – мне жалко. Сидела, делала несколько раз я. И, верите – нет, я ведь его нашла. А где он, вот ихняя где мать жила, на низу. И там как брошенный этот, дом-то, уже они не жили там. И он у них в зимовьЕ поселился. Наш телёнок поселился в зимовье и жил, и... пойдёт там поест травку и опять. И он жил в ихном зимовье. Я говорю, надо же – считай, у себя же считай, говорю, дома и вот, как вот наткнулась и всё. Тоже вот так вот – нету телёнка и всё.

[– Садилась и в печку кричали? – Собир.]

– Да-а.

[– А какой наговор, не помните? – Собир.]

– А я не помню. Мне на бумажке писали. Ну, чё-то, что приди, как-то это, и телёнка по имени называла. И ведь нашла, и долго ведь не было, почти месяц не было телёнка. Я уже думала, что вообще не будет его. И потом вот, действительно, думаю, наверно, наговор помог. (Смеётся.) Было же всякое (Кеж.: Недокура, 2018).

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой РЯиРК

И. В. Евсева

«04» июня 2019 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О «ЗНАТКИХ ЛЮДЯХ» В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

Выпускник

К. В. Кайзер

Научный руководитель

д-р филол. наук,
проф. О. В. Фельде

Нормоконтролер

М. В. Шипилова

Красноярск 2019

ОТЗЫВ НАУЧНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

д-ра филол.наук, профессора Фельде О.В.
на выпускную квалификационную работу студента
направления 45.03.01 Филология, ИФиЯК, СФУ
Кайзер Карины Владимировна

на тему «Устные рассказы о «знатках людях» в лингвокультуре Северного Приангарья»

№	Параметры оценивания	Уровни оценивания			
		высокий	средний	низкий	не представлен
1.	Способность к самостоятельному анализу, выводам и обобщениям	+			
2.	Степень вхождения в проблематику, владение методологией исследования	+			
3.	Филологическая эрудированность и научный стиль изложения	+			
4.	Количество языкового материала и качество его анализа / качество анализа литературного материала	+			
5.	Глубина раскрытия темы	+			
6.	Степень оригинальности работы (отсутствие неправомерных заимствований)	+			
7.	Ответственность в отношении к работе	+			
8.	Соблюдение графика выполнения ВКР	+			
9.	Отсутствие опечаток, орфографических и/или пунктуационных ошибок	+			
10.	Оформление текста и библиографии	+			
Комментарии научного руководителя					
<p>Бакалаврская работа К.В.Кайзер отличается основательностью теоретической базы и глубиной анализа оригинального эмпирического материала. На всех этапах исследования Карина проявляла высокую степень самостоятельности. Она трижды выезжала в Кежемский, Богучанский и Мотыгинский районы, собирая материал для ВКР. Исследование не раз проходило успешную апробацию на международных конференциях в различных городах (Москве, Новосибирске, Пензе, Томске, Красноярске); в активе студентки – более 10 опубликованных научных работ, участие в гранте РФФИ, Правительства КК и ККФПНиНТД (2017-2018), победа в конкурсе на получение Астафьевской стипендии за заслуги в учебе и научной деятельности. Достоинством молодого исследователя является аналитический ум, ответственность, а также опора на эмпирический материал, лично собранный в условиях учебных практик и экспедиций. Результатом стало качественно выполненное исследование, которое имеет перспективы для продолжения в рамках магистратуры.</p>					
Итоговая оценка научного руководителя		ОТЛИЧНО			

Проф. Фельде О.В.

[Handwritten signature]

РЕФЕРАТ

Тема бакалаврской работы – «Устные рассказы о знатких людях» в лингвокультуре Северного Приангарья. Выпускная квалификационная работа представлена в объеме 110 страниц, включает в себя 33 иллюстративных текста, а также список использованной литературы, состоящий из 105 источников.

Ключевые слова: УСТНЫЙ РАССКАЗ, ЛИНГВОКУЛЬТУРА, ДИАЛЕКТНЫЙ ДИСКУРС, ФОЛЬКЛОРНАЯ КАРТИНА МИРА, ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ, КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ, КОММУНИКАТИВНАЯ ТАКТИКА, КОММУНИКАТИВНАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ.

Цель: комплексный лингвокультурологический и коммуникативный анализ устных рассказов о «знатких людях» как важнейшего элемента традиционной региональной лингвокультуры.

Задачи: 1) сопоставить понятия «языковая картина мира» и «фольклорная картина мира»; 2) представить аналитический обзор работ о феномене лингвокультуры; 3) выявить структуру макроконцепта «знаткие люди» и проанализировать понятийную и ценностную составляющую его субконцептов»; 4) выявить коммуникативные стратегии и тактики устных рассказов о «знатких людях»; 5) определить коммуникативную тональность устных рассказов о «знатких людях».

Актуальность работы определяется, во-первых, её включенностью в коммуникативно-дискурсивную парадигму современной лингвистики; во-вторых, возможностью расширить эмпирическую базу лингвистики для решения фундаментальных проблем «язык и культура», «язык и оценка»; в-третьих, необходимостью исследования особенностей региональной сибирской лингвокультуры, которая зафиксирована в текстах разных жанров, в том числе и в устных рассказах о «знатких людях».

Основные выводы и результаты исследования:

1. Сопоставительный анализ таких феноменов как языковая картина мира и фольклорная картина мира показал, что они отличаются тем, что последняя характеризуется стабильностью и устойчивостью, отражает архаичные формы сознания. Объединяют же их доминирующие когнитивная, мировоззренческая и аксиологическая функции.
2. Традиционная региональная лингвокультура – это ментально-коммуникативный феномен, который репрезентируется в текстах разных жанров, в первую очередь – в фольклорных (а именно в текстах несказочной прозы).
3. Концепт «знаткие люди» является макроконцептом, содержание которого составляют понятийный, образный и оценочный слои. В структуру концепта входят следующие субконцепты: «ведьма / колдун» и «знахарка / знахарь».
4. В рассмотренных текстах доминируют информативная и аксиологическая коммуникативные цели; рассказчики придерживаются следующих коммуникативных стратегий для их достижения: нарративной и аргументативной.
5. В рассказах о «знатких людях» выражается ценностная картина мира сибиряков-ангарцев, доминантами которой являются аксиологические концепты «добро» / «польза», «зло» / «вред», что накладывает отпечаток на отношение рассказчика к добрым и злым «знатким» и обуславливает выбор языковых средств для его выражения. В зависимости от отношения автора к сообщаемому, тексты характеризуются позитивной, нейтральной и негативной тональностью.

Перспективы дальнейшего исследования: тексты устных рассказов о «знатких людях» являются высоко информативными для решения многих лингвистических проблем: диалектной языковой личности, ценностной картины мира носителей традиционной старожильческой лингвокультуры и др. Перспективны также привлечение дополнительного эмпирического материала для сопоставления рассказов о людях, обладающих сверхъестественными способностями, в разных этнических лингвокультурах.